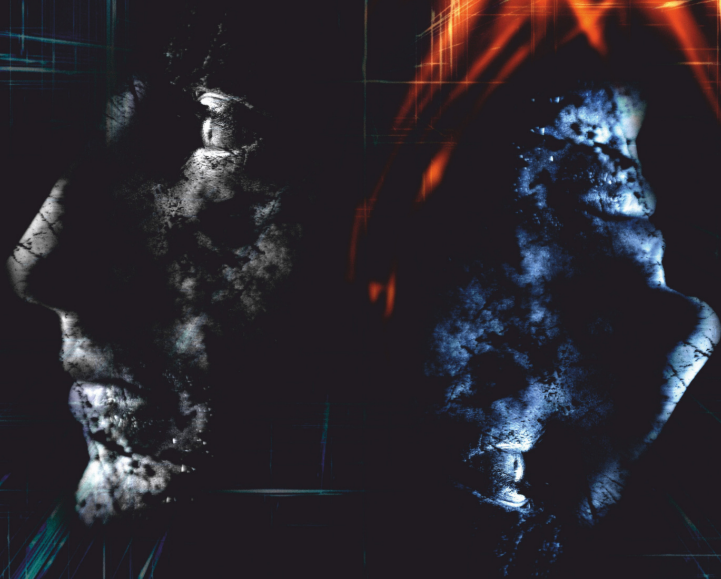

Дия Гарина

ТЮРНИКИ

Дия Гарина Тюремщик

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67078260

Д. Гарина. Тюремщик: Издательство «КорКиС»; Южно-Сахалинск;

2021

Аннотация

Было время, когда наша Земля выглядела безупречно. А потом все изменилось... Мы потеряли два материка. Кажется, их называли Америками... И это, увы, не все.

Технологии... Их больше нет. От земной цивилизации остались жалкие крохи.

И только один человек знает, что же произошло на самом деле и как нам все вернуть. Но он заключен в глубинах чужого сознания, а значит, никогда и никому не расскажет об этом. Никому, кроме меня. Потому что я – Тюремщик.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	34
Глава III	70
Глава IV	100
Глава V	136
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Дия Гарина Тюремщик

© Гарина Д., 2021

© Издательство «КорКи'С» Южно-Сахалинской центральной городской библиотеки им. О. П. Кузнецова, 2021

* * *

Часть первая

Глава I

– Чтоб ты сдох, проклятый библиотекарь!

Приглушенный, но очень эмоциональный возглас эхом раскатился среди башен Кольца, розовевших под последними лучами солнца. У подножия одной из них, невысокой и полуразрушенной, в сиреневой тени ворочались две фигуры, пытаясь выбраться из зловонной жижи. Вот уже сто пятьдесят лет тут перегнивали и никак не могли перегнить растения сектов, упавшие с изъеденных молниями Башен. Наконец одной фигуре удалось подняться и взгромоздить на себя другую, вымазанную грязью до самых глаз. Ветер подхватил и унес в темнеющие небеса новую порцию ругательств.

Продолжая про себя, Дэмьен поудобнее закинул руку проклиняемого на плечо и потащил полубеспамятного библиотекаря к ближайшей осыпи милка.

– И дернул меня сект наткнуться на тебя, жердина двухметровая! Ну валялся бы себе тут до ночи, ну сожрали бы тебя нар-коты... – Дэмьен продолжал монолог, не ожидая ответа.

Ему просто нужно выговориться, выпустить пар. Слишком долго он пробыл в Кольце, слишком вымотался, слиш-

ком... А тут еще угораздило напороться на этого би-бли-оте-ка-ря! И нет, чтобы был он из Циркуса или из Британского Сектора. Да даже из Русского... Куда там. Парень оказался самым настоящим Пасмурным библиотекарем. Ни образования системного, ни опыта, ни мышц. Одна кожа да кости. Двухметровые. Однако, судя по сминающей хребет тяжести, весил доходяга не меньше центнера.

«Да у него в костях вместо кальция железо, – мысленно хмыкнул Дэмьен. – Феррум. Трехвалентный».

Неожиданное уточнение застало его врасплох. Ведь Дэм твердо полагал, что все забыл, тем более уроки химии. Они с Юлианом так часто их прогуливали... Сколько же лет прошло. Десять? «Одиннадцать. Одиннадцать лет, три месяца и 16 дней», – поправил кто-то, прячущийся в самом потаенном уголке сознания.

Не в Комнате, нет. Там, как обычно, царила Пустота, ждущая и выматывающая. Просто внутренний голос Дэмьена в последнее время совсем распоясался и не собирался молчать, даже когда его никто не спрашивал. Вот и сейчас тихо и нудно бубнил невесть что:

– Брось меня. Книги только возьми. Передай их мастеру Вертидесу. Пасмурная зона, Южный сектор. Третья Восточная улица, дом 344. Пожалуй-кх-к-хх...

Дэм немного растерялся, прежде его внутренний голос никогда не заходилась надсадным кашлем. И только ощутив содрогания висевшего на нем тела, понял, что библиотекарь

очнулся.

– Я еще у тебя на посылках не служил, – пробормотал Дэмьен, усаживая свою ношу на относительно сухую и ровную плиту и осторожно приваливая к еще теплому боку башни.

Ему всегда было любопытно, как это милк, из которого она сделана, умудряется сохранять тепло почти до утра.

От бесплодных раздумий отвлек вещмешок, выпавший из скользких пальцев библиотекаря. «Ну, посмотрим на его драгоценные книги», – Дэм аккуратно развязал лямки и вытер руки о наименее замызганную часть куртки. Будучи грязным с ног до головы, библиотекарь умудрился сохранить ценный груз от соприкосновения с гниющими листьями.

Книга, которую Дэмьен вынул из мешка, оказалась довольно толстой, в твердой обложке, хоть и не слишком яркой. «Научная, кажется. Это хорошо», – он бегло пробежался по оглавлению. Почему-то оно было не в конце, а в начале.

– Жюль Верн. «Таинственный остров». Главы... – пробормотал вполголоса Дэмьен и сразу же понял, какое сокровище раздобыл снова отключившийся парень. Конечно, Жюль Верн писал романы, но в них было столько полезных сведений...

«Сколько открытий мы повторили благодаря его книгам! Сколько изобретений!» – Дэмьен аж дыхание задержал от открывшейся перспективы.

Этой книги не было даже в библиотеке Циркуса. Пасмур-

ному невероятно повезло! Дэмьен с любопытством покосился на лежащего. Теперь, когда не надо было сгибаться в три погибели под его тяжестью, появилась возможность хорошенько рассмотреть библиотекаря. На вид тому было около двадцати. С высоты своих почти двадцати девяти Дэмьен тут же записал парня в анфаны¹. Цвет глаз под закрытыми веками разглядеть не удалось, зато пухлые губы и впрямь придавали измазанному лицу детское выражение. Неожиданно эти губы разомкнулись и...

– А ты образованный, – библиотекарь открыл невероятно синие глаза и уставился на Дэма. – Читать умеешь... Из вышних, наверное? Из Циркуса?

– Чушь несешь, – буркнул раздосадованный Дэмьен. – Все умеют читать.

Он аккуратно закрыл книгу и принялся запихивать обратно в мешок.

– Все умеют читать на общем, – не отставал дотошный библиотекарь. – Или на британском, он почти такой же. А эта книга написана на франкском, ты же с листа прочел оглавление...

Неудобные вопросы – меньшее, что ему нужно. Дэмьен всерьез задумался о том, что библиотекаря придется оставить.

– Теперь бросишь меня? – синеглазый криво улыбнулся. – Я ведь сразу догадался, кто ты.

¹ Анфан (фр.) – ребенок.

– И кто же я? – Дэмьену вдруг стало по-настоящему не по себе. Не может быть, чтобы... Прошло столько лет, его бы теперь и мать родная не узнала, будь она жива.

– Ты – добытчик: от тебя так и несет грассой. И все зовут тебя Шер.

– Надо же, я и не знал, – оскалился Дэмьен. – Это от франкского «милый»?

– Нет, – ничуть не смутился приходящий в себя библиотекарь, – это от слова «шершень». Слишком много наркотической пылицы ты своему хозяину добываешь.

– А почему Шершень? – в добытчике вдруг проснулось любопытство. – Почему не «Шмель», например?

– Потому что шмель – мохнатый, а ты... – библиотекарь неожиданно умолк.

«Не хочет обидеть, что ли?» – удивился Дэмьен-Шер и, зло усмехнувшись, стянул с себя бандану. Последний луч заиграл на голой, как коленка, голове.

– Что еще говорят обо мне? – он уселся рядом, наслаждаясь теплом нагретого молока, и приготовился слушать.

Перед последним броском нужно хорошенько отдохнуть. А библиотекарь пусть выговорится, молчаливей будет.

Вопреки ожиданиям парень не спешил делиться с добытчиком слухами и сплетнями. Осторожно подбирая слова, он через силу выдавил:

– Что ты всегда добываешь один. А те, кто уходил с тобой, не возвращались.

– Верно, – задумчивый кивок. – Что еще?

Библиотекарь покосился на рукоять меча, торчавшую у добытчика за плечом.

– Что ты высший и бывший легионер...

– Ошибка. Одно исключает другое. Высшие не бывают простыми легионерами.

Дэмьен обманчиво ленивым жестом закинул руки за голову. Не слишком ли много совпадений? Или его все же узнали? В последнее время Край стал с ним очень недоверчив и осторожен. Не пора ли перебираться в Восточную часть Пасмурной зоны?

– Как нога? – продолжил Дэмьен, переводя разговор.

Библиотекарь попытался пошевелить правой ногой, но поморщился и быстро прекратил болезненное занятие.

– Одному мне до Города не дойти, если ты об этом.

Дэм вздохнул и, посмотрев на стремительно темнеющее небо, подвел итог:

– Так. Сейчас мы пойдем так быстро, как сможем. Если выложишься по полной – останешься жив.

– Но ведь нам засветло все равно не добраться...

– Не твоя забота, библиотекарь. Кстати, как твое имя?

– Сандро, – парень задумался на миг и решительно добавил: – Сандро Капри. Пасмурная зона, Южная часть, улица Медведей, три...

– Хорош болтать, – Дэмьен прекрасно понимал, к чему такая разговорчивость, но ему совершенно не улыбалось до-

кладывать родным этого Сандро о безвременной и героической гибели библиотекаря в руинах Кольца.

А посему он деловито полез в мешок, просматривая оставшееся содержимое. Небольшая тетрадь, написанная от руки, привлекла внимание сразу. Подобные вещи были невероятной редкостью. Личные записи все еще могли пролить свет на события Темного периода или даже на период Оккупации. Сект, до чего интересно! Но ему пришлось запереть любопытство на замок, потому что где-то вдалеке, на грани слышимости раздался истошный кошачий мяв.

– А вот сейчас мы пойдем быстро-быстро, если не хотим стать чьим-то ужином, – резюмировал добытчик, завязывая мешок и вскидывая на плечо руку охнувшего от боли Сандро.

Нужно отдать Пасмурному должное, терпеть он умел. За все время сумасшедшего полубега-полуковыляния Дэм не услышал от него даже стоны, хотя нога библиотекаря больше походила на раздувшуюся от крови пиявку. И все же они не успевали. Нар-коты были где-то совсем рядом, и Дэм лишь упорно переставлял ноги и досадливо кривил губы. Не виси на его плечах этот Сандро, ему бы ничего не грозило. Таким было одно из тайных преимуществ добытчика. Он мог уходить от Города так далеко, как хотел, не опасаясь заночевать среди шастающих по развалинам кошачьих стай. Конечно, заплачено за это было с лихвой, но прошлого не вернуть, и остается только использовать любые мало-мальские

положительные последствия.

Но если коты не воспринимали Дэма как врага или добычу, то с любым другим человеком дело обстояло куда хуже. Трижды в этот год неудачники, увязавшиеся за ним в поисках наживы и отважившиеся заночевать в Кольце, так и не вернулись в Город. Он не бросал их, нет, просто не мог защитить. Никто бы не смог. Разве что целый отряд легионеров с огнеметами.

Дэмыен попытался представить себе подобное зрелище, но потерпел неудачу. Во всем Городе старых огнеметов было всего штук пять-шесть. А новые придумки почти всегда взрывались в руках стреляющих, превращая их в жуткие мечущиеся факелы. Единожды став свидетелем такого, Дэм повторения не хотел.

Сумерки уже хозяйничали в Кольце, но полная темнота не наступала здесь никогда. С пришествием ночи милк, из которого секты возвели этот бывший жилой массив, опоясывающий Город, начинал светиться холодным, постоянно меняющимся светом. Сейчас он выглядел бледной пародией на закат – розовато-оранжевое свечение, казалось, продлевало умирающий на западе день и милостиво дарило двум человеческим существам последний шанс на спасение.

* * *

Они остановились у башни, половину которой, казалось,

аккуратно срезало огромным ножом, и теперь ее вскрывшиеся этажи напоминали гигантские соты. Возможно, поэтому плохо соображающий от боли Сандро совсем не удивился, когда Шер, словно его крылатый тезка, буквально взлетел по стене на третий этаж. Библиотекарю оставалось лишь сползти вниз и ждать либо возвращения добытчика, либо появления стаи нар-котов. Он еще успел подумать, что никогда не видел живого нар-кота, и вряд ли сумеет внимательно разглядеть. Жаль. Некоторые счастливики, избегнувшие острых зубов и когтей, говорили, что зверюги очень даже красивые: вдвое больше обычных кошек, а мех их ценится наравне с волчьим или рысьим. Еще жаль, что первый самостоятельный поиск окончился так... так...

Сознание ненадолго оставило измотанного парня, и следующее, что он услышал, была витиеватая ругань Шера. «Все-таки он был легионером», – заключил Сандро, пытаясь запомнить очередной пассаж.

А повод для сквернословия у добытчика был железный. Библиотекарь вдруг понял, что не сидит на земле, а взлетает в почти черные небеса, правда, очень медленно. И только боль подмышками подсказала, что Шер, напрягаясь изо всех сил, тащит его на веревке.

– Что ж ты тяжеленный такой, – просипел Дэмьен, переваливая Сандро через край. – Вставай, совсем чуть-чуть осталось.

Несколько нетвердых шагов, потом еще несколько...

Дэмьен упрямо тащил библиотекаря куда-то в глубь коридора. Голова Сандро безвольно моталась из стороны в сторону, а светящийся пол пьяно качался в такт шагам. Неожиданно Шер остановился.

– Все. Успели.

Сандро поднял голову и попытался сфокусировать расплывающийся взгляд. Перед ним был... было...

– Это... Не может...

– Может, это авиакар, – ухмыльнулся добытчик. – А точнее, наше убежище. До утра пересидим. Этим котяткам он не по зубам.

Не тратя слов напрасно, Дэмьен ловко откатил дверь бескрылой летающей машины в сторону и буквально впихнул в кабину немаленького парня. Внимательно огляделся, прислушался, затем ловким, слитным движением последовал за библиотекарем, вжав того в противоположный бок одностороннего кара.

– Придется потесниться, – Дэм с усилием задвинул дверь на место и подпер оказавшейся под сиденьем палкой. – Замок заклинило. В ходу подручные средства.

– Как ты его нашел? – Сандро вертел головой во все стороны, пытаясь рассмотреть нутро старинной машины. Тусклого свечения милка для этого явно не хватало, а панель авиакара была холодна и безжизненна: ни огонька светодиода, ни подмигивания дисплея...

– Т-сс! – Дэмьен быстро закрыл парню рот, заглушая сле-

дующий вопрос. – Они рядом.

Вздрогнувший от неожиданности библиотекарь замер. В кабине повисла напряженная тишина. Но сколько бы Сандро ни прислушивался, ничего не мог различить, кроме ровного дыхания Шера.

– Ушли, – облегченно вздохнул тот через пару минут. – Другую добычу выслеживать. Теперь можно спокойно спать до утра.

Ничего не услышавший Сандро безоговорочно поверил добытчику и истово прошептал:

– Хвала Единому!

– Не ожидал от тебя такого, – хмыкнул Дэмьен и откинулся на пружинящую спинку. – От кого-кого, но от тебя... А еще библиотекарь. Образованный. Тебе в науку полагается верить, не в богов. Еще Триединого поблагодари, мракобес. Религия – это грасса для народа. Так кто-то из древних писал.

– Триединый – это секта, причем совсем молодая, – упрямо покачал головой Пасмурный, – а Единый – наше наследие, соединившее древних Христа, Будду, Аллаха, Кришну... Это то, что уцелело после Оккупации. То, что нас соединило и позволило изгнать захватчиков с Земли. Это инопланетная наука довела нас до жалкого состояния, а религия и вера дали нам силу.

– Ну-ну, – Дэмьен только собрался продолжить дискуссию, как вдруг схватился за голову. Где-то там внутри, за

порогом Комнаты, Пустота открыла глаза и тяжело заворочалась, так что стены ее тюрьмы пошли мелкой, противной рябью. А потом тягуче и низко позвала Дэмьена. Добытчика так же мелко затрясло. Нужно было торопиться, пока приступ не вошел в полную силу, иначе... Слишком долго он игнорировал свою Пустоту, и теперь даже избыток адреналина в крови не в состоянии отсрочить Ее освобождение. В панике Дэм сорвал со спины рюкзак и негнушимися пальцами заскреб по застежкам. Ему было наплевать на недоуменно-испуганный взгляд синих глаз и робкие попытки библиотекаря выяснить, что происходит.

Наконец Дэму удалось вытащить небольшой кожаный мешочек, тугая «молния» с трудом, но поддалась. У него еще хватило сил прошептать своему невольному соседу:

– Не дыши просто так, прикройся.

Почти отключившийся от внешнего мира, готовый сорваться в зовущую жадную Пустоту Дэмьен быстро облизал палец и осторожно протиснул его в мешочек. Затем так же осторожно вытащил, сунул за щеку и замер в ожидании. Грасса действовала быстро. Но Дэмьену три раза пришлось повторить процедуру, прежде чем Пустота отступила, и плотный туман в сознании поредел настолько, что добытчик смог мыслить почти связно. И мысли его были неутешительны. За последний месяц он увеличил дозу втрое, но промежутки между приступами стали гораздо короче. И если ему не удастся в ближайшее время найти подходящую жен-

щину... При этой мысли во рту стало кисло, и Дэмьен едва успел открыть дверь кара, чтобы, свесившись вниз, освободить и без того почти пустой желудок.

Потом, выравнивая дыхание и пялясь в потолок своего убежища, Дэм ловил на себе испытывающие взгляды Сандро. Парень уже убрал тряпку, через которую все это время дышал, но, слава его Единому, не надышался легчайшей наркотической пылью. Хорошо. Двое кайфующих в одной кабине – явный перебор. Впрочем, на самого Дэма грасса влияла иначе: смиряла Пустоту и почти не изменяла сознание. А надышись ею библиотекарь... Кто знает, какие цветистые галлюцинации породил бы его начитанный мозг?

– Ты принял почти смертельную дозу, а тебя даже не торкнуло, – не в добрый час помянутый Сандро во все глаза смотрел на добытчика. – Такими темпами через полгода ты превратишься в пускающее слюни растение.

– Растения слюни не пускают.

У Дэма не было никакого желания что-то объяснять. Напротив, он бы дорого дал за то, чтобы двенадцать часов назад не наткнуться на этого раздражающего мальчишку.

– Ты понял, о чем я! Эту проклятую отраву секты специально разводили, чтобы одурманивать человечество. Чтобы сделать нас покорными рабами, чтобы... И пока мы будем зависеть от их наркотика – все наши победы впустую. Даже их изгнание с Земли. Секты ушли, а дурман остался. Значит, они добились своего, превратив нас из высокоразвитой

цивилизации в деградирующую кучку наркоманов. Да что я говорю, ты же образованный, ты и сам знаешь.

– Эк тебя на патриотизм пробило, – буркнул почти пришедший в себя Дэмьен.

– На патриотизм? Они уничтожили два материка! Северный и Южный... Как их... Америки. Отбросили нас на сотни лет назад. У нас электрификация только тридцать лет как началась. Мы даже не знаем, сколько людей осталось на Земле. Мы почти заперты в этом Городе. А все построенные за пределами Кольца коммуны живут в постоянном страхе перед нападением варваров.

– А варвары, по-твоему, не люди?

– Не знаю, – Сандро немного сбавил обороты. – Возможно, они жертвы генетических экспериментов, которые секты проводили над людьми. И сейчас опустились до уровня безмозглых хищников. С ними даже договориться невозможно.

– Хотя я и не силен в дипломатии, думаю, при желании договориться можно и с ними...

– погоди, – Сандро аж задохнулся. – Ты говорил с варварами?

– Не столько говорил, сколько слушал, – Дэмьен, похоже, всерьез втянулся в спор. – И, поверь, их представление о том, что случилось во время Оккупации и Темного периода, разительно отличается от нашего.

– Но ведь документы, написанные после правления Первого консула...

– Ничего толком не раскрывают! У нас даже хроники того времени нет, все учебники истории написали по косвенным свидетельствам. А если и были записи, то в Темный период сплыли. Даже в спецхране нет ничего. Ни на бумаге, ни на дисках, ни в компью...

Дэмыен резко осекся, понимая, что поздно, что выдал себя полностью вместе с лысой головой. Все-таки грасса развязала ему язык. Сандро смотрел на него с таким видом, будто он разом Единый и Триединый, спустившийся с грешных небес на святую Землю.

– Молчи, – серые глаза добытчика сверкнули окровавленным металлом.

И пусть в этом оптическом обмане виновато неземное свечение милка, сменившего свой цвет с розового на багровый, у библиотекаря не осталось сомнений. Ему не выйти из кара живым. Но даже перед смертью демон любопытства, когда-то толкнувший мальчишку-тихоню на опасный библиотечный путь, не сдавался.

– Ты видел компьютеры?! А правда, что они могут перемножать огромные числа? И игры? Говорят, в них есть особенные игры...

Дэмыен смотрел на вспыхнувшие детским восторгом глаза парня и понимал, что не сможет... Но должен, если хочет остаться в живых... А он хочет?

– Есть игры, – против воли вырвалось у него. – И даже фильмы можно смотреть. Настоящие, как в жизни, а не дви-

жущиеся картинки на бумажной ленте, как в театрах. Вот только базы данных не сохранились. И никаких обучающих программ. Чудо, что компьютеры вообще оказались в Городе, который всю Оккупацию был просто музеем европейской культуры и быта.

Но бурлящее любопытство Сандро невозможно было утихомирить несколькими фразами. Он спрашивал о компьютерах еще и еще, пока у Дэма на языке мозоль не натерлась.

– Все, хватит, – Дэмьен резко скрестил руки, – допрос окончен.

– Да, наверное, хватит, – как-то беспомощно улыбнулся библиотекарь. – Мне все равно будет мало, сколько бы ты ни рассказал. Спасибо, что выполнил мою вроде как последнюю просьбу. Теперь можешь убивать. Только книги, пожалуйста, передай, как я просил...

Дэм проклял про себя проницательность парня, но все-таки возразил:

– С чего ты взял, что я буду тебя убивать?

– Не можешь же ты оставить меня в живых после того, как столько рассказал? Я ведь не идиот. В спецхран допускаются только приближенные к трону консула. А приближенные к трону консула не становятся добытками просто так. И, следовательно, не оставляют свидетелей.

– Что ж мне с тобой делать, свидетель? – Дэм не смог отказать от мелкой мести. – Просто оставить здесь? Или...

Он выразительно коснулся рукояти меча.

– Оставить меня здесь не вариант, – библиотекарь поблел, но упрямо продолжал рассуждать: – Где гарантии, что я не доползу до ближайшего патрульного пункта? Так что, прошу тебя, не тяни, пожалуйста.

На этих словах парень крепко зажмурился. Потом, не открывая глаз, сунул свой мешок ухмыляющемуся Дэмьену и замер в ожидании.

– И ты думаешь, я прикончу тебя сейчас, после того как тащил на себе целый день по такой жаре?

Дэмьен облегченно расхохотался, разгоняя искренним громким смехом остатки темных мыслей, которые (будем честны) навещали его в эту ночь.

Удивленный Сандро приоткрыл один глаз.

– Но...

– Никаких «но». Ты просто дашь мне слово, что забудешь нашу встречу, как страшный сон, и ничего никому не скажешь. Надеюсь, на это твоей благодарности хватит?

– Я... Да. Я дам слово. И никому ничего не скажу, – тут библиотекарь открыл второй глаз и вызывающе выпятил подбородок. – Но все равно докопаюсь до истины! Я узнаю, кто ты такой.

Дэмьен только рукой махнул на этот детский вызов и начал готовиться к ночлегу. Снял перевязь с мечом, устроил под голову рюкзак.

– Спи, свидетель, набирайся сил. Завтра придется тебе попотеть.

Это последнее, что услышал Сандро, проваливаясь в густую чернильную темноту. И весь остаток ночи снился ему огромный пушистый нар-кот с лысой головой добытчика Шера, улыбающийся на манер Чеширского кота из малоизвестной сказки британского писателя Кэролла.

* * *

Проснулись они поздно. Солнечные лучи не проникали сквозь милк стен, но заставляли молочно-белую субстанцию рождать свой удивительный свет: голубоватый и рассеянный. Дэмьен первым делом достал из рюкзака флягу и, напившись, протянул Сандро. К удивлению последнего, в ней оказалась не вода, а какой-то чуть кисловатый напиток, от которого слегка закружилась голова, а по жилам разлилась непонятная легкость. Он вопросительно посмотрел на добытчика.

– Все нормально. Это приглушит боль и придаст сил, – пояснил тот.

– Только не говори, что это экс.

Дэм усмехнулся, молча откатил дверь кара и, выбравшись наружу, с наслаждением потянулся. Библиотекарь с трудом последовал за ним, стараясь не тревожить больную ногу. Ночь, проведенная на половинке одноместного сиденья, отдавалась в каждой мышце тянущей болью. Но чудесный напиток дело свое знал. Через минуту Сандро с удивлением

понял, что вполне бодро хромает следом за Шером к краю разлома.

– Значит, все-таки экс, – вздохнул он.

– В предельно малой концентрации, – кивнул Шер, закрепляя в трещине стены крюк с полипропиленовым шнуром (старинным и жутко дорогим). – И не смотри на меня с такой укоризной. Городские больницы я не грабил. В Пасмурной зоне немало толковых химиков. Дай им только сырье.

То, что у его спасителя сырья хватает, ясно было даже далекому от наркобизнеса библиотекарю. В рюкзаке Шера он разглядел четыре мешочка с грассой. Количество, немислимое для одного добытчика.

Грассу – пыльцу-наркотик – собирали с инопланетных цветов, стряхивая в плотные кожаные мешочки. И главное для добытчика было не надышаться волшебной пылью, ибо, погрузившись в мир неотличимых от реальности галлюцинаций, неосторожный мог остаться в нем навсегда. А еще добытчики-одиночки не должны были встречаться с добытчиками артельными, дабы сохранить товар, а зачастую и голову. Не попадать в руки патрулей и на обед к нар-котам... Было еще множество других «не». И все из-за нее.

Грасса – проклятье и благословение, оставленное сектами поредевшему человечеству, – оказалась не только наркотиком, но и чудесным лекарством. Люди очень быстро обратили внимание на ее целительную силу. Экстракт грассы, или

просто «экс», избавлял почти от любой болезни, а иногда мог вернуть буквально с того света. И привыкания не вызывал. Потому-то отправлялись в Кольцо все новые партии добытчиков, служащих трону. Консул платил щедро. Но спасенные жизни подданных того стоили. По неизвестной причине горожане с каждым годом все чаще и тяжелее болели, и необходимого больницам экстракта требовалось куда больше, чем раньше. К тому же поток грассы медленно, но верно иссякал. Ее наземные плантации скудели, а буйствующие на крышах высоченных башен казались недостижимыми. Но не для Дэмьена.

Стоя на земле, Сандро с восхищением наблюдал, как Шер спускается по отвесным перекрытиям. Вчера он слишком устал и соображал плохо, но даже сейчас, при свете дня, казалось, что добытчик слетает вниз, не касаясь стены. Вот и объяснение его непомерной добыче. Такому на башню взлететь, что раз плюнуть. От силы два.

* * *

– А почему ты не дал мне экстракт вчера? – Сандро, вполне бодро шагающий за добытчиком по кривой улице, не мог удержаться от разговоров.

– Я дал. Ты просто не помнишь.

– Исключено. У меня прекрасная память. Мастер старательно ее в меня вколотил.

– Тогда почему ты еще жив? Как думаешь? – Дэм резко остановился и в упор уставился на библиотекаря.

Несмотря на разницу в росте, Сандро почувствовал себя нерадивым учеником перед разъяренным учителем. И благодарно промолчал.

– Когда ты последний раз ел? – не отставал добытчик. – Пять дней назад, шесть?

– Неделю.

Шер только рукой махнул:

– Я нашел тебя в голодном обмороке. Если бы не экс, ты бы и шагу не сделал. Герой... Кому такой подвиг нужен? Сам бы сдох, и книги бы сгнули. Головой думать надо, а не... Чего встал, как вкопанный? Шевелись давай! Действие экса закончится, и опять на мне повиснешь. Тащи тебя потом...

– А ты не тащи! – Сандро с вызовом посмотрел на своего спасителя. – Иди своей грассовой дорогой, а я сам как-нибудь доберусь. За помощь спасибо...

– «Спасибом» не отделаешься! – от такой черной неблагодарности Дэм взбесился всерьез. – Книги отдашь. Снимай мешок, быстро!

Меч будто сам прыгнул добытчику в руку, и острое застыло в сантиметре от щеки обнаглевшего библиотекаря. Однако тот, к удивлению Дэмьена, не спешил расставаться с драгоценной добычей. Он сноровисто пнул Дэма по коленке, и не ожидавший такого поворота добытчик пропустил удар.

Дэмьен запросто мог достать убегающего парня мечом,

но... Зачем он тогда его вообще спасал? Пусть бежит себе, может, и впрямь доберется до Города. Обидно, конечно, когда с тобой так... Тут Дэм мысленно хлопнул себя по лбу. Как же он сразу не догадался! У парня адреналин кипит от выпитого экса, вот он и творит сект знает что.

Ковыляя вслед за библиотекарем и проклиная его точный удар, Дэм ожидал найти выбившегося из сил Сандро за каждым поворотом. И действительно скоро нашел. Правда, оказался библиотекарь не один, а в компании пяти темных личностей, перекрывших ему путь.

Дэмыен сразу понял, в чьи цепкие лапы угодил невезучий библиотекарь. Было бы смешно не узнать своего нанимателя, тем более, что в мире грассы Край считался значительным лицом. Добрая четверть всех вольных добытчиков работала на предприимчивого наркобарона, а его подпольные лаборатории обеспечивали эксом почти половину нелегальных врачей Города.

Закоулок, в котором столкнул их случай, был неширок, и охрана Края перегораживала его полностью. Даже в лучшие свои дни Сандро не смог бы проскочить мимо четырех амбалов-телохранителей. Да и сам наркобарон мало чем от них отличался. На его крепко скроенной фигуре сидела, как влитая, плотная кожаная куртка, подбитая изнутри кусочками кевлара. Такую арбалетной стреле не прошибить даже в упор. Не то что у Дэма был при себе арбалет... «Кстати, это упущение надо исправить», – подумал добытчик, натягивая

на лицо радостную улыбку.

– Привет, Край, – Дэмьен ускорил шаг и вскоре поравнялся с неблагодарным библиотекарем, старательно отводившим глаза. – Какими судьбами в Кольце? Неужто твои дела так плохи, что сам на добычу вышел?

– Дела неплохи, Шер, – низкий голос Края всполошил дремавшее в переулке эхо, а широкое, но не обрюзгшее лицо отразило одновременно фальшивую радость и озабоченность. – Я просто немного расстроился из-за твоей задержки. Вот и решил прогуляться на свежем воздухе. А то в Зоне от наркопатрулей уже не продохнуть.

– Зря расстраивался, – Дэм сунул руку в рюкзак и достал мешочек с грассой. – Вот твоя добыча в целости и сохранности. Я просто решил участок до конца обработать, потому и задержался.

– С тобой приятно иметь дело, Шер, – ухмыльнулся Край. – Это хорошо, что добыча в целости. Только вот что не дает мне покоя в последнее время: уж больно она невелика. Как ты думаешь, если я загляну в твой рюкзак, что я там найду? Может быть, брата-близнеца этого замечательного мешочка?

При этих словах охрана Края дружно шагнула вперед с недвусмысленным намерением от души покопаться в рюкзаке добытчика.

Дэмьен поднял руки в примиряющем жесте.

– У нас контракт, Край. Я его не нарушаю и честно отдаю

твою долю. Все, что добываю сверх, – мое. Таков уговор.

– Так-то оно так, – Край жестом остановил своих амбалов и двинулся к Дэмьену сам. – Но времена настали тяжелые. Вольным добытчикам приходит конец. Профессионалов все меньше: кто на покой ушел, кто сгинул, кто к консулу на службу перебежал. А молодые-неопытные от силы половину нормы сдают. Ты моя курица, несущая золотые яйца, поэтому...

Тут наркобарона самым наглым образом прервали.

– Если он – курица, несущая золотые яйца, то пересматривать условия контракта неразумно, – подал голос позабытый до времени библиотекарь. Он стоял на ногах нетвердо, однако твердости во взгляде парню было не занимать.

«Вот ведь скелет ходячий, – ругнулся про себя Дэм. – Он разве не понимает, с кем говорит? И что с ним теперь будет?»

Край застыл на полдороге, потом нарочито медленно повернулся к Сандро.

– Это кто тут у нас подал голос? Книжкина нянька? Э-э-э... Да тебе самому еще нянька нужна. Радуйся, мальчишка, что сегодня я добрый. Да и как не быть добрым, повстречав моего дорогого друга Шера с добычей. В общем, повезло тебе, бибик. Давай книги сюда и иди своей дорогой.

Бросив быстрый взгляд на Сандро, Дэмьен еще раз уверился, что свои драгоценные книги библиотекарь не отдаст никому, а значит... Добытчик даже не удивился, когда Край взвыл и рухнул на одно колено, получив по нему удар тяже-

лым библиотечарским ботинком. Этот прием у Сандро явно был отработан, так же как и следующее за ним бегство. Вот только на этот раз библиотечарю удалось преодолеть не больше десятка метров. Как и предполагал Дэм, действие экса закончилось, и сил у парня хватило лишь на короткий бросок.

– Убить, – проскрипел сквозь зубы Край, не спеша подниматься, и четверка телохранителей, обнажив мечи, двинулась к упавшему посередине переуллка библиотечарю.

Первым, что ощутил Дэмьен, глядя на тщетные попытки Сандро подняться, была жалость, а вторым... Кайф. Чистое, незамутненное наслаждение. Оно пело в бешено мчавшейся по жилам крови, заставляя каждый нерв сладко вибрировать от предвкушения. Что же еще может испытывать адреналиновый наркоман, преграждая путь к вожаденной добыче четверке отборных бойцов? Никогда гасса не дарила Дэму таких сногшибательных ощущений. Может, поэтому он и не подсел на наркотик, в отличие от кузена Марка. Сила это или слабость... Дэму было все равно. Главное, что благодаря адреналиновым всплескам он мог какое-то время питать свою Пустоту и вовсе наслаждаться смертельным риском.

Первый удар Дэм отбил, еще пребывая в лиловой дымке удовольствия, а второй, едва не снесший его лысую башку, встретил уже в ясном сознании. Кайф никуда не делся, но думать и действовать совершенно не мешал.

Однако схватка с четырьмя противниками требовала от Шера всех сил и способностей. О да, когда-то он был спо-

собным. Так говорил отец почти после каждой тренировки, и юный Дэм свято верил родительскому слову, потому что лучшего бойца Город не знал за всю полуторавековую историю. Дэмьен понимал, что никогда не сравнится с отцом в мастерстве, ведь его гораздо больше манили неприступные башни Кольца, чем бесконечная череда отцовских поединков. Но разочаровать своего кумира он просто не мог, поэтому каждая тренировка навсегда впечаталась в молодое тело. И пускай Дэм всерьез не брался за меч сект знает сколько лет, предпочитая другое оружие, но... Двое противников уже валяются без движения, а третий отползает прочь. Четвертый что-то невнятно вскрикнул и бросился наутек, а Шер оказался лицом к лицу со своим нанимателем.

Край был в бешенстве. Не в том, которое заливают глаза красным и заставляет совершать ошибку за ошибкой. Нет. Наркобарон, казалось, излучал холод, как и уютно лежавший в его руке голубоватый клинок, – баснословно дорогая музейная редкость, которую он вполне мог себе позволить. Тем более, что статус обязывал. Простой меч Шера не шел с этим чудом ни в какое сравнение: так, поделка современных кузнецов. Хорошо еще, что сбалансированная и ухватистая.

– Сдавайся, Шер, – ласково попросил Край. – Мы перепишем контракт и снова станем лучшими друзьями.

– Ошибка, – Дэм внимательно следил за плечами наркобарона. Любой удар начинается с плеча. – Я аннулирую контракт.

– Посмотрим, – замахиваясь, выдохнул Край и ловко рубанул мечом сверху вниз, выдавая свое легионерское прошлое.

Шер откинулся чуть в сторону и с разворота попытался достать противника. Но Край явно не надеялся на одних телохранителей и дело фехтовальное знал.

Они закружили в смертельном танце, выбивая клинками причудливый ритм. Край постоянно атаковал, но увертливый добытчик всегда уходил из-под удара. После очередной сшибки противники разошлись чуть дальше обычного и пошли по кругу, переводя дыхание, пока окровавленная рука одного из поверженных телохранителей не вцепилась мертвой хваткой в сапог добытчика. Шер, не глядя, ударил вниз и скорее угадал, чем услышал, хриплый вскрик. Рука, державшая его, разжалась, и почти сразу он почувствовал, будто на ногу плеснули кипятком.

В этот раз пришел черед Шера упасть на колено. Из левой ступни торчала рукоять небольшого стилета, буквально пригвоздившего добытчика к пружинящему покрытию переулка. С проклятьем он еще раз ткнул мечом в не вовремя очнувшегося телохранителя и понял, что схватку проиграл. Край уже шел к нему и щадить своего противника явно не собирался.

Неожиданно наркобарон дернулся и застыл. Секунду спустя Дэм понял, что стало тому причиной. Неугомонный Сандро в точности повторил маневр телохранителя и вцепился

в щиколотку Края обеими руками.

Дэм предполагал, что худосочный вид парня – обман, но лишь сейчас получил возможность в этом убедиться. От хватки Сандро Край вскрикнул и, в точности, как Дэмьен до этого, замахнулся мечом. Но перед тем, как лезвие опустилось на одновременно рассудительную и безрассудную голову библиотекаря, Дэмьен успел метнуть меч в потерявшего бдительность Края.

Однако наркобарон не зря считался умелым бойцом: ему удалось отбить клинок, лишь слегка оцарапавший шею. Но Дэмьен и не предполагал, что все закончится так просто. Выгадав драгоценные секунды, он вырвал стилет из ноги и кинулся на отвлекшегося Края, вкладывая в бросок оставшиеся силы.

Опрокинув замешкавшегося противника, Дэм воткнул стилет в правое запястье наркобарона и почти одновременно ударил его головой в переносицу. Пока Край глотал кровь, приходя в себя, Дэмьен подхватил выпавший из его руки клинок и, целя в горло, замахнулся. Вот только завершить удар добытчику не удалось – его снова обожгло кипятком. Арбалетный болт не прошил тело насквозь, а застрял под правой ключицей, заставляя тошноту подкатить к самому горлу.

Сбежавший телохранитель вернулся с подмогой, и четверо арбалетчиков не спеша приближались к месту схватки, держа оружие наготове.

– Живым, – закашлялся под добытчиком Край, приходя в себя. – Он нужен мне живым!

Понимая, что выхода нет, Дэмьен прибегнул к последнему средству. Кожаный мешочек с грассой, казалось, сам собой очутился в левой руке. Несколько секунд на борьбу с «молнией», и широким жестом сеятеля добытчик Шер развеял пыльцу в замершем от напряжения воздухе.

Легчайшие частицы в считанные мгновения заволокли перулок поблескивающим облаком. Он на секунду задумался, не попытаться ли поднять выпавший меч и завершить начатое. Но добивать провалившегося в нирвану, совершенно беспомощного человека как-то расхотелось. Поэтому Дэмьен соскочил с противника и, подхватив библиотекаря, ринулся прочь. Бандитов, погрузившихся в грезы, можно списать со счетов, но Дэму лучше добраться до Города прежде, чем заблокированная адреналином боль вцепится в него своими острыми зубами.

Глава II

О том, что солнце уходит за горизонт, доктор Родригес определил по смене цвета в операционной. Голубоватый днем милк, из которого было сложено большинство строев Зоны, начинал светиться розовым во время заката. Этого неяркого, но какого-то плотного света хватало для жизни, и потому обыватели Пасмурной зоны почти не держали свечей. Однако для тонких медицинских манипуляций в отсутствие электричества они были необходимы. А электричество в этот район обещали провести только через год-два. Это уж как у старого консула в голове пазлы сложатся.

Эрнандо Родригес, суховатый и подвижный, как и большинство из Латинского сектора, только что закончил операцию. Он щедро напоил эксом избавленного от аппендицита милковщика и направился в пристройку больницы, где часто ночевал после смены. Однако вместо запертой по обыкновению двери его встретило темное чрево распахнутого настежь проема.

Доктор Родригес насторожился, но не испугался. Даже самые отпетые бандиты не трогали общественных врачей, справедливо полагая, что когда-нибудь им самим понадобится скорая медицинская помощь.

Темные пятна на полу и знакомый до мурашек запах оповестили врача о незваных гостях, нуждающихся в его про-

фессиональной помощи. Осторожно приоткрыв двери кабинета, Эрнандо мысленно очертил себя кругом Единого, хвала ему и почитание. Но вместо обвешанных оружием душегубов разглядел в розовых сумерках старого знакомого Шера вкупе с каким-то молодым парнем, без сознания растянувшимся на его кровати.

Добытчик сидел неподвижно в единственном кресле и поприветствовал доктора Родригеса лишь легким наклоном головы.

– Привет, Эр. У меня к тебе небольшое дело.

По тому, как слаб оказался голос посетителя, Эрнандо понял, что его помощь Шеру жизненно необходима. Он быстро зажег масляную лампу и, подойдя к добытчику вплотную, снова помянул Единого. Дэмьен оставил болт, чтобы не усилить кровотечение, и железный штырь до сих пор торчал из его куртки диковинным шипом.

– Сначала его, – Дэм осторожно кивнул на кровать с безсознательным Сандро. – У него истощение, какая-то зараза в правой ноге и кровь, полная грассы. Если бы ты слышал, что за чушь он нес, пока я его тащил!

– Ты его тащил с этим? А то, что болт при движении мог задеть подключичную артерию, подумал?! Даже ты успел бы истечь кровью, несмотря на свою бешеную регенерацию.

Пока длился выговор, врач быстро, но осторожно избавлял Дэмьена от одежды, где нужно разрезая куртку и прятавшуюся под ней футболку небольшими острыми ножницами.

Внимательно осмотрев и ощупав рану, Родригес покачал головой.

– Я был прав: артерия совсем рядом. Просто так болт не вытащить – порвем. Нужно оперировать.

– Мне нельзя в больницу, – пробормотал Дэм. – Ты же знаешь.

– Знаю, – вздохнул Эрнандо. – Твое занятие не предполагает... Будем оперировать здесь, но у меня закончился экс.

– Обойдусь, – устало улыбнулся добытчик. – Кстати, возьми в рюкзаке грассу. Отнесешь, куда я скажу, и обменяешь на экс. А пока спрячь подальше.

– Дело не только в этом. Мне нужен помощник.

– Твои помощники – карманники и мелкие хулиганы, осужденные на общественные работы, а мне нельзя...

– Помолчи, – доктор Родригес озабоченно взгляделся в бледное лицо добытчика. – Они не донесут полиции.

– Я теперь не полиции опасуюсь, – пробормотал Шер. – Мы с Краем разошлись во мнениях насчет моего контракта...

– Тихо, – Эрнандо приложил палец к губам Дэмьена. – Я понял. Но у меня есть человек, которому наплевать и на Края, и на полицию. Жрец Триединого. Он подрался со священником и угодил под суд. Полгода общественных работ. И в медицине разбирается. Он не сдаст тебя никому.

– Ладно. Я понял. Зови его...

– Э-э-э. Подожди, не отключайся!

– Я не отключаюсь. Я ухожу. Надеюсь на тебя. До встречи, Эр.

Голова Дэмьена упала на грудь, а дыхание выровнялось и замедлилось. Убедившись, что это скорее транс, чем обморок, доктор Родригес мысленно помолился Единому и отправился на поиски своего будущего ассистента.

* * *

Дэмьен шел в полной темноте, но в выбранном направлении не сомневался. Пустота звала его, и он собирался сегодня ее навестить. Это было его девятое посещение, и каждый визит Дэм помнил до мельчайших деталей. Особенно первый, который все изменил. Погружаться в свое сознание со временем становилось проще... и опаснее. Пустота набирала силу и выпускала посетителя обратно все с большей неохотой. Дэмьен не знал, отважится ли прийти сюда в следующий раз. Он никогда не спрашивал отца, приходил ли он в свою Комнату. Об этом в их роду предпочитали помалкивать, как будто молчание могло избавить от проклятия. Каждый справлялся со своей Пустотой как мог, и юный Дэмьен уважал это неписаное правило. А вот сейчас жалел, что не задавал отцу неудобных вопросов. По крайней мере, мог узнать, был ли он ненормален, так же как и остальные мужчины его семьи, или еще ненормальней.

Впереди замаячил слабый свет, и вскоре Дэмьен стоял у

простой белой двери в стене, терявшей свои границы в черно-фиолетовой бесконечности. Эту дверь он помнил очень хорошо — она вела когда-то в его детскую комнату. Даже краска облупилась возле ручки точно так же. Ему оставалось только повернуть ее и шагнуть за порог к нетерпеливо ожидающей его Пустоте. Чтобы в очередной раз удивиться ее отсутствию. Как только Дэм входил в Комнату, Пустота исчезала.

«Ну, разумеется, ведь Комната больше не пуста. Тут я торчу», — пробормотал Дэмьен и с размаху упал на огромную мягкую кровать под золотистым балдахином. Мельком глянув на массивные напольные часы, Дэм поморщился. Время в Комнате невозможно было сопоставить со временем во внешнем мире. Стрелки то застывали на месте, то неслись будто секундные. «Придется включить панель», — Дэм дотянулся до пульта и через мгновение услышал голос доктора Родригеса, с помехами доносившийся из динамиков. Экран огромного, во всю стену, телевизора оставался темным. Дэмьен никогда не видел на нем внешнего изображения, потому что глаза его в моменты «ухода» оставались закрытыми.

Поборов искушение вставить в видеоприставку любимый диск, Дэм сосредоточился на разговоре врача и ассистента, чтобы не пропустить удобный момент для возвращения. Даже лишняя минута, проведенная в Комнате, могла стать роковой. Чем дольше Дэмьен здесь находился, тем труднее

ему было заставить себя возвращаться. Но остаться – значит умереть. Покинутое разумом тело проживет всего лишь несколько дней без воды и пищи. Дэмьен понял это очень давно и именно поэтому оказывался в Комнате лишь по крайней необходимости.

– Скальпель, – услышал он напряженный голос Эрнандо и понял, что операция уже началась.

– Возьмите, доктор.

Голос жреца Триединого оказался низкий и гулкий. Приятный тембр. Наверное, проповеди с таким голосом удаются отменно.

– Посвети мне здесь, Ганс. Да, так хорошо. Я сейчас разрежу, а ты медленно тяни.

– Осторожно, доктор!

– Ты меня еще поучи! Тяни...

– Сект! Задели!

– Сект! Держи здесь! Пальцем придави. Держи, я сказал!

В наступившей тишине было слышно только двойное хриплое дыхание. Дэмьен понял, что дела его плохи. Видимо, извлекая болт, артерию все-таки порвали. Значит, Комната станет для него могилой со всеми удобствами. А что там Эр сделает с его телом, Дэмьену было как-то все равно.

– Что будем делать, док? – напряженно спросил Ганс.

– Чтобы пережать артерию, а потом зашить, нужны специальные зажимы. У меня их сейчас нет – одолжил соседней больнице. Именно сегодня. Значит...

– Он умрет?

– Нет, если у тебя сильные пальцы, – Эрнандо говорил очень тихо.

– Что вы имеете в виду?

– Разрыв совсем небольшой. Ты прикрываешь его пальцем и держишь часа четыре. Все.

– В каком смысле «все»? Он умрет? – нотки недоумения в голосе Ганса мешались с раздражением.

– Нет, – тяжело вздохнул доктор Родригес. – Он не умрет. Разрыв затянется.

– Доктор, вы в своем уме?

– С тех пор, как повстречался с ним – не уверен.

– То есть вы утверждаете, что за четыре часа порез на артерии сам собой заживет?

– Да.

Дэмыен буквально почувствовал, как Родригес кивнул, рубанув воздух ладонью. Он всегда был щедр на жесты.

– Я не первый раз шью его, – продолжал врач. – Первый был больше года назад. С тех пор наблюдаю за ним. Его способности к регенерации потрясающие. Такое ощущение, что у него экс вместо крови. Я даже как-то попросил его о маленьком эксперименте... сделал небольшой надрез на руке.

– И?

– И на следующие сутки остался только шрам. Потом и шрама не осталось. К тому же у него явно был сломан позвоночник. Причем в нескольких местах. По всем правилам он

должен быть мертв или полностью парализован. Но он взлетает на башни, как...

– Как шершень, – закончил за врача жрец. – Так вот он какой, знаменитый Шер. Давно наслышан и очень хотел встретиться. Встретился, хвала Триединому.

– Только не поминай своего бога при мне, – поморщился Родригес. – Я молюсь другому.

– Можете спокойно продолжать. Никто на божественность Единого не покушается. Триединый – не бог, а всего лишь существо, от которого зависит судьба нашего мира. Однажды Он уже спас его и разрушил его. Что сделает Он с миром теперь, неизвестно. Вдруг мы ему не понравимся?

Дэм мог поклясться, что врач в это время картинно закатил глаза.

– Пожалуйста, Ганс, избавь меня от проповеди и держи крепко. Вот стул. Садись осторожно, не сдвигай палец. Через два часа я тебя сменю. Надеюсь, порез уже немного затянется...

– Я признаюсь, что не поверил вам сразу, но теперь вижу собственными глазами – остальное кровотечение действительно прекратилось. Как вы думаете, в чем причина подобной живучести? В мутации? – любопытство жреца, по мнению Дэма, лишь немногим уступало неугомонности библиотекаря.

– Я тоже сначала так решил, – доктор Родригес явно был рад понимающему собеседнику. – Но, судя по цвету кожи,

Шер родом не из Пасмурной зоны, значит, воздействие милька можно исключить. Однако отсутствие волос...

– Да, для пасмурника у него слишком цветущий вид. Даже сейчас, – хмыкнул Ганс.

– Вероятно, он из Франкского сектора. Что-то в его речи...

– Он не из сектора, он из Циркуса.

Дэм с удовлетворением различил подрагивающий голос упрямого библиотекаря. Болтает, значит, выживет. Однако что он, раздери его сект, болтает!

– Ой, – кажется, будто Сандро услышал мысленный посыл Дэма и вспомнил обещание сохранить свои догадки о прошлом добытчика в тайне.

Похоже, даже рукой рот прикрыл от раскаяния.

– Вы очнулись, молодой человек...

Дэм услышал, как доктор Родригес направляется к кровати. Значит, с библиотекарем все будет в порядке. А вот с ним самим... Остаться в Комнате так долго Дэмьен не планировал. Риск застрять в ней был велик. Но и вернуться – значит сыграть в русскую рулетку. В отличие от большинства горожан, он знал, что это такое.

Вернись Дэм сейчас, и боль, от которой он сбежал, набросится на него с удвоенной силой. А ведь ему даже пошевелиться будет нельзя, не то что дернуться. Скользкий от крови палец Ганса может соскочить с разрыва, и тогда Дэма не спасет никакая регенерация. К тому же новой порции боли

Дэмыен собирался всеми силами избегать. Слишком много ее было в его жизни.

Взвесив все «за» и «против», Дэм решительно двинулся к стопке дисков и, покопавшись немного, выбрал с детства любимый фильм, в котором где-то «в далекой-далекой галактике бушевали «Звездные войны».

* * *

Дэмыен «пришел», когда за окном забрезжил неяркий дневной свет. Такова была особенность Пасмурной зоны, неизвестно для чего построенной сектами вокруг города-музея. Гигантские перекрытия из милка – инопланетного материала, белого, как молоко, практически не пропускали солнечные лучи, но под их воздействием светились сами. Сразу же после Оккупации в Зоне начали селиться ошеломленные, сбитые с толку люди, не умеющие почти ничего. Здесь до них не добирались проливные дожди и снега, не палило солнце. Всегда тепло, всегда сухо. Всегда светло. Только свет в Зоне, окружившей Город, был иным. Инопланетным. Даже самым солнечным днем в Пасмурной зоне было... пасмурно. Как будто небо плотно затянули грозовые тучи. Но люди с радостью шли под навес смыкающихся на стометровой высоте перекрытий и строили свой город из осколков разбитых башен, не догадываясь, что скрытое милком солнце обидится на спрятавшихся от него детей.

Сначала жителей Пасмурной зоны выдавало лишь отсутствие загара, но через полвека горожане наконец заметили, что изменения в «пасмурниках» оказались куда глубже. Мутации и уродства появлялись все чаще, и даже эксу не под силу было их исцелить. Началась волна исхода. Все, кто решил перевезти свои семьи, отдавали последние гроши в казну наместников, лишь бы получить прописку в одном из двенадцати Секторов. Но Пасмурная зона не опустела. К жителям, не осилившим прописочный налог, слишком беспечным или трусливым, добавились те, кто оказался не в ладах с законом. И через какую-то сотню лет Пасмурная зона стала огромным криминальным районом – головной болью правительства и добропорядочных горожан.

Все это Дэмьен прекрасно знал из уроков истории и своих коротких юношеских вылазок в этот запретный и потому такой манящий пасмурный мир. Когда же судьба сделала Пасмурную зону его постоянным пристанищем, он быстро привык к ее собственным неписаным законам и бледным, а иногда очень странным жителям. Единственное, к чему он так и не смог привыкнуть, – это к отсутствию солнечного света. Потому-то выходы в Кольцо стали для добытчика помимо работы еще и доставляющими истинное удовольствие прогулками.

Вот и сейчас, ощущая сквозь сомкнутые веки бледный свет, Дэмьен мог только гадать, сколько времени он проторчал в Комнате. Часы, как всегда, вытворяли не весть что, три

части «Звездных войн» пролетели как одна, а когда он решил, что пора выходить... Этот «выход» он будет помнить до скончания дней. Дэмьен выползал из Комнаты буквально на карачках, преодолевая сопротивление неожиданно сгустившегося воздуха и чувствуя себя мухой, попавшей в мед. Едва только дверь захлопнулась за ним, Дэм обессиленно прислонился к белому дереву и поклялся, что, как бы обстоятельства ни вынуждали, он больше сюда ни ногой.

«Кстати, а как нога?»

Не открывая глаз, он осторожно пошевелил проткнутой ступней и, не почувствовав боли, удовлетворенно улыбнулся. Все-таки есть польза от его уродства, определенно есть. С плечом Дэм был гораздо осторожнее, и не зря. Боль полыхнула под закрытыми веками белой кляксой, но, судя по ощущению стянутости, рана заживала хорошо. Неделя, и рукой можно будет двигать совсем свободно. Однако покинуть пристройку Эрнандо придется поскорее, иначе люди Края...

– Хвала Единому, мой добрый друг Шер очнулся, – услышал Дэмьен знакомый голос и, досчитав до пяти, открыл глаза.

Перед ним на стуле сидел наркобарон, во всей красе и славе: с рукой, висящей на перевязи, распухшим носом и блестящими от экса глазами в обрамлении чернильных синяков. Почти подпираемый с боков двумя телохранителями, чьи арбалеты были направлены прямехонько в обнаженную грудь Дэма, он чувствовал себя прекрасно и явно наслаждался.

ся происходящим.

– Чего ты хочешь? – добытчик не стал тянуть секта за хвост. – Грассу я уже отдал, денег у меня нет, моя жизнь ничего не стоит.

– Мне не нужны деньги, Шер, – покачал головой Край, словно досадуя на его непонятливость. – И жизнь мне твоя не нужна. В конце концов ты сохранил мне мою. Но простить такое поведение... Я деловой человек, Шер. Отпусти я тебя просто так, скажут, что Край уже ни на что не годен. К тому же твоя популярность в Зоне растет слишком быстро. Что там насчет бесплатного экса, который ты просто так раздаешь больницам? Ведь он делается из утаенной от меня грассы!

– Я ничего от тебя не утаивал, Край. У нас был уговор...

– Ну, своим нехорошим поведением ты этот уговор нарушил! Ладно. Я слишком добр с тобой, знаю. Но я готов предложить компромисс. Не хочешь добывать для меня – не надо. Я скрепя сердце тебя отпущу. Но ты должен отработать. Во-первых, жизни твоих друзей...

Справа от Дэмьена завозились, и в поле его зрения четверо громил втолкнули Сандро вместе с доктором. Первый, хоть и был бледен, уверенно стоял на ногах, что не могло не порадовать Шера, второй же был сосредоточен, но не слишком испуган. Значит, особого вреда им пока не причинили.

– Как ты думаешь, – Край снова привлек его внимание, – по пятьдесят норм за каждого – это не много? Думаю, нет. А

еще мне за физический и моральный ущерб. Скажем, пятьдесят за физический и сто за моральный. Еще за убитых тобою моих людей, тоже по пятьдесят. Итого...

Закончить подсчеты Краю не позволил громкий, отрывистый стук в дверь, от которого несчастное дерево даже застонало.

– Полиция! Откройте немедленно! – донесся приглушенный рык, и дверь испуганно прогнулась под натиском явно неслабых плеч.

Бойцы Края, как по команде, повернулись к двери, ошестинившись арбалетами и молодецки выхваченными клинками. Сандро неожиданно оказался рядом с Дэмом и, присев на корточки, тихо зашептал:

– Окно. Ты сможешь пролезть, пока они заняты друг другом, а мы...

– Чей это голос я слышу? – неожиданно воскликнул Край. – Уж не ты ли это, мой добрый друг и бывший однополчанин капитан Пшесинский?

– Край?

Натиск на дверь прекратился, послышались приглушенные голоса, разобрать которые не представлялось возможным.

– Открой, Край, – вновь заговорил капитан. – И скажи своим, чтобы опустили оружие. Решим все миром. Даю тебе слово.

Край сделал знак телохранителям, и те послушно опусти-

ли, но не сложили оружие. Похоже, имя капитана Пшесинского было им хорошо знакомо. Не то чтобы их позы полнотью покинуло напряжение, но бандиты явно расслабились. Один из них подошел к двери и открыл тяжелый засов. В комнате сразу сделалось очень тесно. Полицейские в зеленых с красным мундирах выстроились вдоль стены по обе стороны двери, пропуская вперед невысокую и какую-то несуразную фигуру своего начальника. Никто, впервые увидевший пожилого капитана Яцека Пшесинского, не заподозрил бы в нем грозу восточных варваров, никто, впервые услышавший, не усомнился бы в этом. Голос полицейского был настолько мощен и низок, что посуда на столе отозвалась жалобным звоном.

– Дорогой друг, – Край был сама любезность, – позволь поинтересоваться, какое неотложное дело привело тебя в наши пасмурные края?

– Я почти три месяца патрулирую здесь, Край. Не притворяйся, что тебе это неизвестно. И вот сегодня ко мне подбегает паренек и сообщает, что я могу арестовать банду наркоторговцев в больнице Седьмого деяния Единого с уймой припрятанной грассы. С поличным, так сказать.

– Ну, сит² капитан, вы же не стали бы утруждать себя ради такой малости.

Улыбка Края была широка, как протекающая по Городу река Рэна.

² Сит (от английского citizen) – гражданин.

– К тому же вас коварно обманули. У меня нет при себе ни грана грассы. И у моих людей тоже. А если она и была, то только у...

Наркобарон осекся, поняв, что под эксом сболтнул лишнее, а вот полицейский капитан, напротив, оживился.

– У кого, у кого? Случайно не у твоего драгоценного лысого добытчика? У Шера? Кстати, где он? Давно мечтал познакомиться. И не только я.

– Но его здесь нет.

– Если его здесь нет, то почему твои люди как-то странно столпились посреди комнаты. Может, мне посмотреть, кто прячется за их спинами?

– Послушай, сит капитан, – Край собрался было удержать Пшесинского, но вовремя передумал: арбалеты полицейских недвусмысленно уставились ему в живот. – Давай договоримся...

– Конечно, мы договоримся, – повернулся к нему страж порядка. – В память нашей былой службы, Край, ты можешь уйти вместе со своими людьми. На самом деле меня интересует только Шер. Его ждет не дождется кто-то очень высокопоставленный из нашего департамента. Видимо, пришло время серьезно побеседовать с этим народным героем, раздающим экс направо и налево. Так что отойди, Край, и дай мне выполнить свою работу. Иначе даже наше близкое знакомство и твои высокие покровители тебя не спасут.

Наркобарон прекрасно понимал, когда время разговоров

заканчивается и пора переходить к действиям. И он перешел, точнее, отошел с дороги Пшесинского, сделав знак своим людям последовать его примеру.

– Я всегда знал, что ты разумный человек, – одобрительно кивнул капитан и двинулся сквозь расступающихся бандитов к креслу, в котором сидел...

– Ты? – непонимающе вытаращился капитан и, словно не веря, поднес масляный фонарь прямо к бледному лицу Сандро, нервно сжавшего подлокотники кресла, в котором еще несколько минут назад сидел добытчик.

– Это ведь ты отправил нас сюда... Сказал, что вместе с наркоторговцами мы, возможно, найдем здесь Шера...

– А как бы еще я заманил сюда полицию, которая вся куплена Краем Нар-котом, чтобы спасти от него человека, которому я обязан жизнью? Люди Края уже с утра здесь вынюхивали. Оставалось только принять превентивные меры. И я их принял.

Библиотекарь зябко повел обнаженными плечами, то ли от страха, то ли от холода. Куртку он снял и отдал Шеру, перед тем как заменить его в кресле. Скользя взглядами по полураздетой фигуре, занятые разборками с полицией охранники Края не заметили подмены. Но теперь Сандро предстояло расплатиться за доброе дело, ведь он даже не подозревал, насколько Шер нужен полицейским, когда утром подошел к капитану Пшесинскому.

– Он сбежал! – воскликнул полицейский, и посуда на сто-

ле зазвенела вдвое сильнее.

– Но далеко не ушел, – отозвался Край. – Скорее всего, он спрятался в одной из смежных комнат. Заприте дверь.

Засов жалобно взвизгнул, войдя в крепления.

– А с тобой, библиотекарь, я разберусь лично.

Край вытащил меч и двинулся к замершему Сандро, но был остановлен Пшесинским.

– Не время. И я все-таки представитель закона. Арестую его за ложный донос, и мало этому сектовому отродью не покажется.

– Сит капитан! – полицейский ткнул пальцем в сторону маленького окна. – Он мог...

– Он сильно ранен, – возразил Край. – Он не мог.

– Именем консула, немедленно откройте!

Многострадальная дверь опять содрогнулась, и в комнате воцарилась мертвая тишина. Только Тайная полиция из самого Циркуса могла говорить от имени консула. А иметь дело с Тайной полицией никто из присутствующих категорически не желал. Расторопный полицейский бросился открывать дверь, и вскоре в небольшой комнате стало совсем уж тесно. Отряд карабинеров с духовыми ружьями наперевес согнал и полицейских, и людей Края в угол, а в центр комнаты вышел офицер Тайной полиции в чине полковника. Высокий, лощеный, умный и очень опасный. Другие в означенном ведомстве не забирались так высоко по служебной лестнице, ибо ни положение в обществе, ни толстый коше-

лек не могли помочь в получении чина.

– Я, полковник Тайной полиции Йохан Свен, произвожу арест Дэмьена Тюремщика, известного также под именем добытчика Шера, по обвинению в государственной измене. Нами получены сведения о том, что сейчас он находится здесь. Выдайте его немедленно или за укрывательство государственного преступника будете расстреляны на месте. Именем консула.

На этих словах карабинеры дружно вскинули ружья и прицелились в сразу же запаниковавшую толпу. Сопротивляться Тайной полиции было немыслимо ни для простых полицейских, ни для отпетых бандитов Пасмурной зоны. Должно же быть что-то незыблемое в этом безумном мире.

– Не нужно торопиться, полковник.

Сандро сразу узнал этот чуть звенящий голос, но сначала не поверил. И лишь увидев Шера, замершего в дверном проеме, понял, что все происходит наяву. А тот, тяжело облокотившись на притолоку, громко и вызывающе объявил:

– Я – Дэмьен Тюремщик. И я сдаюсь.

* * *

Государственная измена была одним из немногих преступлений, за которые полагалась смертная казнь. Человечество понесло такие огромные потери в Темный период, что жизнь даже самого прожженного убийцы имела определен-

ную цену. Таких чаще всего высылали на каторгу в железные рудники или угольные шахты; гнали для освоения новых территорий за пределами Города. А с государственными изменниками разговор был короткий. Никакого суда присяжных, никаких адвокатов. Закрытое заседание, формальное разбирательство, приговор, казнь. Единственным положительным моментом, который Дэмьен видел во всем этом (как бы противоестественно это ни звучало), была именно казнь. Вместо виселицы ему полагался расстрел.

Не то что бы государственная измена давала какие-то привилегии по сравнению с другими преступлениями, карающимися смертью. Просто совершить настоящую государственную измену имели возможность только высшие. Неизвестно сколько лет назад и по какой причине за представителями семейств, приближенных к трону консула, закрепилось это название. Возможно, какой-нибудь умник углядел в старой книге фразы «высший свет» или «высокопоставленный чиновник». А может быть, виной всего лишь расположение их многоэтажных особняков – на центральной возвышенности Циркуса, вокруг консульской резиденции.

Сквозь зарешеченное окно электромобиля Тайной полиции Дэмьен смотрел на проплывающий мимо пейзаж и почти вслух дивился несуразности мыслей, настойчиво лезущих в голову. Ему вообще-то полагается думать совершенно о другом. Хотя про высших вспомнилось неспроста. Мысленно он снова вернулся к немой сцене в комнате.

После его заявления молчание длилось, наверное, с минуту. Затем полковник Свен медленно поклонился, не опуская при этом глаз. Дэмьен буквально ощущал внимательный взгляд, пробежавший по его лицу и фигуре сверху вниз и обратно. Похоже, полковник сличал описание преступника со стоящим перед ним оригиналом. Как будто кто-то мог назваться его именем, чтобы быть казненным за государственную измену!

Наверное, за прошедшие одиннадцать лет Дэм действительно сильно изменился, потому что явно не удовлетворенный осмотром Свен то ли попросил, то ли приказал:

– Нам необходимо произвести идентификацию... хайсит³.

И сразу же за его спиной возник седой человек в простом сером сюртуке, без оружия, с небольшим деревянным ящиком в руках. Он подошел к Дэму без страха, лишь с детским любопытством, которым, несмотря на почтенный возраст, искрились его глаза. Очевидно, не каждый день производились аресты, подобные нынешнему.

– Позвольте вашу правую руку, хайсит Тюремщик.

Он достал из ящика дактилоскопический набор и ловко снял у Дэма отпечаток большого пальца. Затем вытащил из бокового отделения ящика стеклянную пластину, на которой явственно угадывался рисунок капиллярных линий, и аккуратно наложил на еще не высохший отпечаток. Свен достал из кармана небольшой фонарик и подсветил всю конструк-

³ High cit – высший гражданин.

цию снизу, внимательно сравнил наложенные друг на друга отпечатки и удовлетворенно кивнул.

– Ваша личность подтверждена. Прошу вас следовать за мной.

Они вышли на больничный двор, где уже собралась небольшая толпа любопытных. Больные, санитары, медсестры, просто зеваки молча смотрели на затянутых в черные мундиры Тайных полицейских, на не виданные многими духовые ружья, на полковника Свена, возглавляющего процессию... И, конечно же, на Дэмьена, шедшего в плотном кольце охраны. Он с удивлением ловил сочувственные шепотки, словно рябь пробежавшие по толпе. Кто-то вроде бы даже несколько раз всхлипнул. Но взгляд его почему-то задержался на крепко сложенном мужчине в желтой куртке санитаря. Тот стоял чуть впереди остальных, буквально пожирая Дэмьена взглядом, и лишь на мгновение перевел его на Свена. Тогда же Дэму показалось, что лощеный полковник коротко и почти незаметно санитару кивнул.

* * *

По мере того как электромобиль приближался к Циркусу, Дэмьен нетерпеливо ерзал на жестком сиденье, вызывая приступы бдительности у сидящего напротив охранника. Странно. Столько лет убегать, прятаться и теперь с каждой новой милей, словно молитву, повторять: «Быстрее, быст-

рее!» За окном то вблизи, то вдаль мелькали аккуратные деревеньки Германского сектора с неизменными красными черепичными крышами.

Строго говоря, Город не был настоящим старым городом, скорее, он походил на маленькую страну и состоял из двенадцати секторов, по числу культур Европы, которые секты решили выделить и неизвестно для чего увековечить. Британский, Франкский, Латинский, Русский, Балканский, Греческий, Славянский, Скандинавский, Италийский, Германский, Балтийский и Прочий. Между секторами были проложены Разделяющие пути. Двенадцать ровных широких дорог с пружинящим, как в Кольце, бордовым покрытием. Так что споров из-за границ никогда не возникало.

Сектора управлялись наместниками и имели собственные маленькие столицы, в которые силой инопланетной науки были перемещены самые известные архитектурные и культурные памятники из соответствующих стран. Дэмьен не раз бывал в столице Германского сектора. Если верить тому, чему его учили, то секты собрали в ней достопримечательности основных городов старой Германии и Австрии: Берлина, Кельна, Вены... А называлась новая столица просто – Герма. Другие столицы также получили названия от своих секторов: Ита, Брита, Лата, Балта, Франка, Проча... И только столица Русского сектора почему-то называлась Москва.

Но путь государственного преступника лежал в Циркус – столицу всего Города. А там... Попадет ли он во Дворец

Правосудия, в тюрьму или все же сначала его ждет встреча с консулом, Дэму приходилось только гадать. И судя по приближающемуся нагромождению самых разномастных зданий, выстроившихся на трех поднимающихся одна над другой круговых террасах, скоро ему предстояло это выяснить. Кое-где дымили котельные, но основные заводы и фабрики были распределены по Секторам, так что воздух оставался довольно чистым. Дэмьен отметил, что храмов Единого стало больше. Высокие белокаменные здания (камень везли издалека) с острыми шпилями, на которых красовался символ Единения – шар, то тут, то там прокалывали низкое серое небо.

Едва дорога пошла вверх, взбираясь на первую террасу, как электромобиль беспощадно затрясло. Пружинящее покрытие закончилось, а выложенная людьми мостовая для железных колес оказалась настоящим испытанием. Чтобы делать резину, нужен был каучук: либо натуральный, либо полученный из нефти. Но за полтора века людям не удалось разведать ни одного нефтяного месторождения. Почти все они были выработаны еще до прихода сектов на Землю. И если карты спецхрана не ввали, оставшиеся были очень далеко, на территории, населенной дикими варварами. И потому в Городе царствовал его величество пар.

Паровые машины несколько раз попадались электромобилю на Пути, а в Циркусе их стало гораздо больше. Конные экипажи тоже встречались нередко. А уж о велосипедах и го-

ворить нечего: все велосипедные дорожки были забиты двух- и трехколесными моделями, снующими в обоих направлениях и радостно дребезжащими звонками.

А еще были трамваи отвратительного ядовито-охристого цвета. Они громыхали на каждой террасе по единственному круговому маршруту – больше гидроэлектростанция Рэны пока не могла позволить Городу. Это в далеких мечтах были электрички от Циркуса до столиц всех Секторов. Но две угольные электростанции, на строительство которых еще пять лет назад угрохали сектову тучу реалов, до сих пор не дымили своими уродливыми трубами.

Поскольку электромобиль был еще диковинкой и встречался либо в гаражах особо важных персон, либо у силовых ведомств, дорогу ему уступали, едва увидев и с большим рвением. Ни одному водителю механических или живых лошадиных сил не хотелось стать причиной его трубного, немного жутковатого сигнала. Поэтому дорога по Циркусу не заняла много времени.

Увидев за окном очертания Высокой площади, расположившейся в центре третьей террасы, Дэмьен замер в ожидании. Налево или направо? Если налево... Налево. Значит, он все-таки пожелал видеть Дэмьена перед расстрелом. Ну что ж, хайсит консул, встречай своего изменника.

Первым, что бросилось в глаза Дэмьену, когда он со скованными за спиной руками вышел на залитую пронзительным солнечным светом мостовую, была охрана. Он смотрел на высокую гранитную лестницу, ведущую к массивным дверям резиденции консула, и мог только гадать о причине такого столпотворения карабинеров. Они стояли по двое чуть не на каждой ступеньке, так что поднимался Дэм, будто проходил сквозь строй. Теперь стало понятно, почему молоденький лейтенант Тайной полиции, почти извиняясь взглядом, заковал его в наручники, перед тем как распахнуть дверь электромобиля.

Консул боялся. И от этого Дэмьену становилось не по себе. Что могло напугать человека, которого он с детства полагал совершенно бесстрашным? Нет, когда Дэм повзрослел, ему все-таки выпал шанс узнать, чего до зубовного скрежета боится прославленный правитель. Но сейчас дело было явно в другом. Пока Дэм в сопровождении лейтенанта, двух охранников и полковника Свена поднимался по лестнице под бдительными взглядами карабинеров и гадал, что происходит в Циркусе, дубовые двери резиденции открылись. Из них пулей выскочил мальчишка лет пяти, пытаясь убежать от двух переполошенных нянек.

С криками «Маленький хайсит, вернитесь! Ваш дедуш-

ка запретил!» они пытались сравниться в скорости с егозливым озорником, который буквально катился вниз по ступенькам. Няньки причитали и умоляли карабинеров остановить неугомонное торнадо, но то ли приказ у тех был не шевелиться, то ли боялись высокородных родителей шалопаю, однако с места не стронулся ни один.

Их разделяло не больше десяти ступеней, когда, оглянувшись на свою охрану, Дэмьен заподозрил неладное. Благоговение, проступившее на лице лейтенантика, расставило все по своим местам. Рассмеявшись про себя, Дэм отметил фамильную блондинистость младшей почки консульского древа, а также скверный характер.

В это время мальчишка, занятый показыванием языка запыхавшейся погоне, поскользнулся на одной из ступенек и быстро заперебирал ногами, пытаясь сохранить равновесие. Реакция Дэмьена всегда была предметом зависти многих. Он подпрыгнул и, проскочив ногами в кольцо скованных рук, выставил их перед собой. Раненое плечо взорвалось болью, и Дэм почувствовал, как промокает наложенная повязка. Зато мальчишка был схвачен за расшитую лентами курточку еще до того, как закувыркался вниз по ступеням.

– И куда же ты собрался? – Дэмьен рад был отвлечься от жжения в незатянувшейся до конца ране, наблюдая за его упорными, хоть и безрезультатными попытками освободиться.

– Отпусти быстло! – потребовал малолетний беглец, убе-

дившись в бесполезности физического сопротивления. Затем тряхнул белыми кудряшками и решительно продолжил: — Я маму позову, и тебя накажут! Знаешь, кто моя мама?!

«Мама. Вот, значит, как, — подумал Дэмьен, с удивлением ощущая жаркую волну бросившейся в лицо крови. — Мама...»

То, что мальчишка не пригрозил дедом, говорило о многом. Например, о том, что...

Цепочку его рассуждений прервала тишина. Она сгустилась так, что, казалось, звуки попросту застряли в воздухе, так и не долетев до пункта назначения. Быстро оглядевшись, Дэмьен обнаружил себя в ошетилившемся ружьями кольце карабинеров и агентов Тайной полиции. На их бледных лицах вместе с каплями пота проступал настоящий смертельный ужас. Откуда-то из-за напряженных спин донесся полуплач-полузавывание нянек.

Смутное понимание ситуации превратилось в кристально ясное, когда полковник Свен, подняв руку в останавливающем жесте, чуть охрипшим голосом обратился к Дэму:

— Взятие заложника не поможет вам, хайсит. Даже если этот заложник — внук консула. Переговоров не будет. Прошу, не усугубляйте своего положения, отпустите мальчика.

— Вряд ли мое положение можно усугубить, — машинально ответил Дэм и подивился про себя тому, как превратно порой люди понимают чужие поступки.

Он почти всерьез задумался, не поводить ли за нос всю честную компанию, но откровенная паника в глазах молоденького лейтенанта заставила отказаться от этой идеи. Так бояться можно только за свою жизнь и за жизнь близких. Похоже, за время его отсутствия консул расширил список каравшихся смертью проступков.

Дэмыен медленно отпустил мальчика и, подтолкнув по направлению к Свену, произнес:

– Чтобы я причинил вред ребенку? Вы меня с кем-то спутали, полковник. Я – Тюремщик, а не палач.

При этих словах странная тень пробежала по лицу полицейского, но он быстро вернул ему невозмутимое выражение и передал мальчика подбежавшим с причитаниями нянькам.

– Как тебя зовут, герой? – крикнул Дэм, игнорируя упирающиеся в спину ружейные стволы.

Мальчишка ловко вывернулся из-под руки старшей няньки и, гордо задрав подбородок, сообщил:

– Меня зовут Дэмыен!

* * *

Подъем по оставшимся ступеням проплыл мимо сознания, и Тюремщик вынырнул из глубин памяти только при входе в зал аудиенций. Беглый взгляд подсказал, что за последние одиннадцать лет он ничуть не изменился. Те же затянутые бордовым стены, тот же паркет (кажется, взятый из

Лувра), те же огромные хрустальные люстры, буквально пожирающие электричество, то же возвышение, к которому ведут пять широких ступеней... Тот же старый трон Первого консула – самое обычное офисное кресло на колесиках, которые меняли уже не один десяток раз, так же как и обивку.

И консул, сидящий на троне, – прежний. Квентин Арпад. Он почти не изменился. Даже седины в висках заметно не было. Возможно, виной этому природный светло-пепельный цвет его густой не по возрасту шевелюры. Морщин тоже добавилось не слишком. И глаза... Дэмьен хорошо помнил выражение этих глаз, когда мудрый и справедливый консул выпускал в него пули одну за одной. Вот и сейчас Квентин Арпад смотрел так, будто вместо зрачков у него лазерные прицелы. В общем все было по-старому.

А вот вооруженная охрана вдоль стен и три (!) видеокамеры – это что-то новенькое. Так же, как и два человека, сидящие рядом с консулом. Вернее, они тоже были старые – около шестидесяти. Но то, что им позволено здесь находиться... Раньше на своем возвышении за массивным столом консул восседал в гордом одиночестве. Все остальные располагались в зависимости от ранга на ступенях, плотно заставленных креслами, которые были куда богаче консульского. Кажется, тоже из Лувра.

Так было раньше, а теперь... Слева от консула, сложив холеные руки в молитвенном жесте, сидел епископ. Как полагается, в белой мантии и шапочке, с большим золотым ша-

ром – символом Единого на массивной цепи. Дэмьен не помнил этого человека и знакомиться желания не испытывал. Хотя то, что консул позволил главе церкви Единого присутствовать на их встрече... Вообще-то Дэм полагал, что консул будет один. Хотя третий участник аудиенции вопросов не вызывал.

Государственный изменник взглянул на первого министра Города, и сердце защемило сильнее, чем раненое плечо. Так мог бы выглядеть отец, будь он жив. Бертран Тюремщик родился позже отца Дэмьена ровно на четыре минуты, и это решило его судьбу. По закону рода Тюремщиков главой дома и первым министром становится младший сын, а не старший, как принято в других высших домах. Именно поэтому дядя Бертран сидит по правую руку от консула, а отец...

– На колени!

Слегка надтреснутый, но все еще сильный голос Квентина Арпада прозвучал впечатляюще. «И все-таки в этом зале прекрасная акустика, – невпопад подумалось Дэмьену, прежде чем до него дошел смысл вроде бы простого приказа. – На колени? Он сказал «на колени?!»

За год, который Дэму пришлось провести в Пасмурной зоне, он слышал о консуле Квентине много самого разного. Одни утверждали, что правитель благодаря постоянному приему экса превратился в совершенную развалину, другие – что, напротив, вернул себе молодость. Что держит наместников в ежовых рукавицах и что дает им слишком много воли... Что

всеми силами противится прогрессу и что тратит баснословные средства на поиски Потерянной библиотеки... Говорили о жесткости и упрямстве, о переменчивости настроений, о тяге к роскоши... Но ни один даже самый грязный язык не называл его злобствующим самодуром.

Дэмыен назвал.

Терять ему было совершенно нечего. И потому Дэм, справедливо опасаясь, что его могут заткнуть в любой момент, быстро изложил свои взгляды на «негативные изменения во внутренней и внешней политике, а также очевидную смену формы правления с конституционной монархии на самую откровенную низкопробную диктатуру». Чувствуя прилив адреналина и подступающий кайф, он минут пять раскладывал по полочкам все ошибки и промахи кабинета министров и лично хайсита консула.

«Кажется, я становлюсь похожим на этого мальчишку-библиотекаря, – подумал Дэм, завершая свою пламенную речь особенно критическим пассажем. – Интересно, справедливый консул пристрелит меня сразу или сначала прикажет поставить на колени?»

Когда волна адреналина схлынула и кайф перестал туманить глаза, Дэм увидел наконец, какую реакцию возымело его выступление. Лицо незнакомого епископа приобрело красно-кирпичный цвет, особенно выделяющийся на фоне белых одеяний. Дядя Бертран побледнел и закатил глаза к потолку. Дэм мог бы поклясться, что слышит его возмущен-

ный возглас: «Что ты творишь, идиот!» Тут Дэмьену стало не по себе от мысли, что он зашел слишком далеко, и теперь из-за него пострадает весь дом Тюремщиков. А ведь дядя не только официально усыновил Дэма после смерти родителей, но и вовсе не делал различий между приемышем и родными детьми. И вот как Дэмьен отблагодарил его...

– Такой же наглец, как и одиннадцать лет назад, верно, Бертран? – вопреки предположениям Дэма лицо консула выражало лишь легкое любопытство.

– Боюсь, он стал еще наглее, хайсит.

Кажется, дядя слегка успокоился, видя, что консул не бьется в припадке ярости.

– Но ведь это хороший признак, верно? – правитель вопросительно поднял бровь. – Как скоро ты сможешь оценить его состояние, Бертран?

– Думаю, ночи будет достаточно.

– Хорошо. Надеюсь, завтра все закончится, мой старый друг.

– Если только... – Бертран смотрел куда угодно, только не на Дэма. – Если только он согласится.

В отличие от дяди, консул глаз с государственного изменника не спускал, и потому Дэмьен заметил, как застарелая ненависть затянула их темно-серой поволокой. Впрочем, это могло лишь показаться из-за мигания огромных люстр. Похоже, в Циркусе опять начались перебои с электричеством.

– Дэмьен Тюремщик, – консул поднял со стола какой-то

документ и махнул им в сторону Дэма. – Это подписанный мною одиннадцать лет назад смертный приговор за государственную измену. Твой приговор. А вот это...

Консул медленно вынул из папки другую бумагу.

– А вот это помилование, которое я еще не подписал. Твое помилование. И только тебе решать, поставлю ли я под ним свою подпись или нет.

– Не стоит делать из Циркуса цирк, хайсит консул! – фыркнул «такой же наглец». – Скажите просто, чего вы от меня хотите?

Квентин Арпад переглянулся с первым министром и разрешающе кивнул.

– Мы хотим, – громко и отчетливо произнес Бертран Тюремщик, – чтобы ты выполнил долг, возложенный на наш род со времен Первого консула. Если ты готов, разумеется. Так ты готов?

Дэмыен молчал, пытаясь осознать услышанное. Нет, каждое слово было сказано на общем и имело абсолютно конкретный смысл. Но фразу целиком переварить никак не удалось, и вместо ответа с языка срывались лишь вопросы:

– Почему сейчас? Ты болен, дядя? А как же Марк? Оливер? Почему не они? Почему я?

Дэмыен впился в дядю взглядом, пытаясь отыскать признаки поразившего того недуга. На какой-то момент окружающие перестали для них существовать, оставляя двух Тюремщиков наедине в огромном зале.

Бертран тяжело вздохнул и начал пояснения:

– Я не болен, Дэм. Но моя Камера... Она ведет себя очень странно. Месяца три назад я обнаружил на ней первые трещины. И теперь с каждым днем прибавляются новые и ширятся старые. Боюсь, что совсем скоро я не смогу удержать его. И тогда...

– И тогда он выйдет, а ты...

– А я уйду. Даже если забыть о том, что я не смогу до конца исполнить наш великий долг... Честно говоря, я пока не готов умирать, да еще таким скверным способом.

Дэмьена начало ощутимо потряхивать, а Пустота в Комнате завывала в томительном предвкушении. Неужели этому суждено свершиться? Неужели... Однако оставшиеся вопросы все еще не давали поверить в чудо.

– Но я же побочная ветвь! А как же Марк? Оливер? Почему ты не можешь передать заключенного им?

– Ты разучился считать, мальчик мой? Оливеру всего лишь тринадцать! Он станет настоящим Тюремщиком только через годы, а речь идет о днях!

– А Марк? – с фамильным упрямством не сдавался Дэмьен, хоть всем своим существом жаждал, чтобы и старший кузен оказался не голен.

– Марк... Грасса сгубила его разум и волю. Он не удержит заключенного даже пару недель. Когда пошли слухи, что ты жив и прячешься в Пасмурной зоне... Я... Это было таким облегчением! Последний месяц агенты Тайной полиции по-

стоянно следили за тобой. Даже сделали несколько снимков. Не слишком удачных. Ты изменился, мальчик мой, и я боялся поверить, боялся ошибиться. Но последнее фото, самое крупное и четкое, мы получили сегодня рано утром. И тогда стало действительно ясно, что ты – это ты.

– Но, дядя, я ведь не учился... Меня не готовили... Я... Я согласен!

– Не ждал от тебя другого, – хмыкнул консул, возвращая Дэмьена в привычный мир. – Забирай его, Бертран. Если он в порядке – утром начнешь процедуру перевода. Ах да...

Консул взял чернильную ручку и, размашисто подписав помилование, протянул его первому министру.

– Если все пройдет хорошо, завтра он ужинает со мной. Нам есть что обсудить. Наедине.

Глава III

Особняк семьи Тюремщиков располагался совсем рядом с консульской резиденцией, так что долго идти Дэму не пришлось. И это было к лучшему, поскольку силы у него совершенно иссякли: сказывались кровопотеря и предельное напряжение последних дней. Верхний пролет лестницы Дэмень одолевал с таким трудом, что идущий впереди Бертран остановился, поджидая племянника, и пристально взгляделся в него.

– Что с тобой?

Дэмень понял, что о его ранении дяде не доложили. Еще бы, в своей гордыне он это тщательно скрывал, не желая показывать слабость. Но был предел даже его ненормальной выносливости.

– Прости, дядя, я...

Дэмень успел ухватиться за перила и сползти по ним на последнюю ступень лестницы, перед тем как сознание милостииво покинуло его.

Ему снился странный сон. Именно сон, Дэмень был в этом уверен. Он стоял в своей Комнате и размышлял о том, каково это будет, когда в ней поселится другой. Сможет ли тот, другой, также валяться на кровати под балдахин? Наблюдать за свихнувшимися стрелками на огромных старомодных часах? Смотреть его, Дэменьа, любимые видео? А теле-

визор? Ведь благодаря телевизору Дэм мог слышать все, что происходит снаружи! И не видел изображения только потому, что глаза его в реальном мире были закрыты. Но ведь теперь будет иначе. Сумеет ли тот, другой (Дэмьен так и не произнес слово «заключенный»), смотреть на мир его глазами? А если сумеет – это будет несправедливо, потому что сам Дэм лишен возможности наблюдать за своим «гостем».

«Значит, нужно это изменить», – подумалось ему во сне. И он, подойдя к двери, начертил на ней указательным пальцем довольной большой квадрат, перечеркнул его вдоль и поперек несколько раз. А потом без капли сомнения, также пальцем, начал стирать внутри каждого маленького квадрата и белую масляную краску, и плотное дерево, пока не протер их до дыр. Отряхнув руки, Дэм пристально осмотрел свою работу – небольшое окно, забранное толстой частой решеткой. «Вот теперь это – настоящая Камера. А я буду при ней настоящим Тюремщиком», – удовлетворенно кивнул Дэмьен и проснулся.

Теплый свет масляного ночника (приказ экономить электроэнергию соблюдался даже высшими) выхватывал в комнате самые разные предметы, оставляя тьму хозяйничать по углам. Два кресла за накрытым к ужину столом, тяжелые темные портьеры на приоткрытом окне, сквозь которое вместе с ночной прохладой пробивался чуть заметный запах дыма от ближайшей котельной. Платяной шкаф, тоже темный и массивный. Его комната. Просто комната в семейном особ-

няке. Как будто и не минуло столько лет. Дэмьен лежал на своей старой кровати под балдахином (!) в тонкой ночной рубашке. Новые повязки держались прочно – дело рук мастера. Старенький доктор тоже жил здесь, как самый настоящий член семьи. Как же его звали?..

– Не пытайся встать, Шер, – вместо старичка-доктора перед Дэмьеном возникло недовольное лицо Эрнандо Родригеса. – Своим геройством ты заездил себя чуть не до смерти.

– Откуда ты здесь взялся, Эр? – пробормотал Дэмьен, укладываясь обратно на пуховые подушки.

– Откуда-откуда... Из камеры.

– ?

– После того как тебя увезли, нас всех арестовали «для дальнейшего разбирательства». Доставили прямо в департамент полиции. Начали допрашивать. Промурыжили до вечера, а потом приехал какой-то хлыщ из кабинета министров и велел мне собираться. От него я и узнал... о тебе. Оказалось, что премьер-министр посчитал меня кем-то вроде твоего личного врача и приставил следить за состоянием любимого племянника. А состояние, между прочим, секту под хвост!

Слушая, как раздраженно бубнит Эрнандо, Дэм с улыбкой начал снова проваливаться в сон, попутно решая вопрос: все доктора такие ворчуны или ему попался уникальный экземпляр?

Как бы то ни было, «уникальный экземпляр» разбудил его

на рассвете. Щедро напоил эксом и со словами: «Я там за дверью подожду на всякий случай» уступил место у кровати неслышно вошедшему Бертрану Тюремщику.

– Доброе утро, Дэм. Твой доктор сказал, что тебе полегчало. Но я должен знать, насколько.

– Если ты о переводе, я готов, – Дэмьен постарался придать охрипшему голосу как можно больше твердости.

– Я сказал, что мне потребуется ночь, чтобы определить, готов ли ты. Но это не совсем правда, – Бертран присел на край кровати и погасил ненужный светильник. – Я понял, что ты готов, едва увидел. Не знаю, как жил ты эти годы со своей Пустотой, но сейчас передо мной сильный духом и разумом Тюремщик. Ты удержишь заключенного. О да. Но знаешь ли ты, кого именно собираешься принять в свою Камеру?

– Конечно. Это даже мне с детства втолковывали. Того, кто своим преступлением заслужил вечные муки. Предателя, который погубил человечество, отдав на растерзание сектам, чье имя проклято и забыто.

– Ну-ну, не волнуйся, – дядя успокаивающе потрепал Дэма по руке. – Все было немного иначе. Не все человечество. И не тогда, когда секты пришли. А всего лишь два материка, когда секты уже уходили.

– В любом случае это несколько миллиардов человек...

– Верно, – согласился Бертран. – Но мы не знаем, что на самом деле произошло. Оккупация длилась почти два сто-

летия, и никаких катастроф, катаклизмов и войн при этом не описывается. Потом Северная и Южная Америка взлетают на воздух, а секты покидают Землю и каким-то образом забирают все наши технологии и носители информации. Известно, что наш заключенный приложил к этому свою предательскую руку. Дальше остатки человечества, которые жили здесь в Кольце, переселяются в Город и пытаются выжить под предводительством Первого консула. Остальные, разбросанные по планете, медленно, но верно деградируют до варварского уровня. Затем наш узник убивает Первого консула и за все свои преступления приговаривается к вечному заключению. С помощью устройства сектов (одного из немногих оставшихся на Земле) сознание предателя извлекают из тела и помещают в разум человека, обладающего определенными свойствами. Так появляется на исторической сцене первый Тюремщик. Наш с тобой предок – Ингвар. Без твердой руки Первого консула Город погружается в Темный период борьбы за власть, пока девяносто лет назад группа высших граждан не находит его потомка и не возводит на трон. А мы, Тюремщики, все эти сто пятьдесят лет передаем от отца к сыну сознание приговоренного к вечному заключению.

– Конец новейшей истории, – хмыкает Дэмьен, аккуратно откидывая одеяло и осторожно спуская на пол босые ноги. – Только я не пойму, дядя, зачем цитировать мне учебник для пятого класса.

– Затем, что в этой истории одна за одной идут нестыковки и натянутости. Затем, что мы на самом деле не знаем, что именно произошло. Затем, что я хотел с тобой поговорить не только о переводе заключенного. Консул знает, что наша семья нужна ему. Мы стоим лишь на ступень ниже его рода. Наш долг священен, а почет велик. Тебя не удивляет, что Тюремщики не только всегда премьеры, но и ближайшие друзья каждого поколения консулов. Я и Квентин. Ты и Юлиан. Консулы всегда понимали, что нас лучше держать в друзьях, чем делать врагами. И все потому, что у нас есть то, чего ни у кого нет и никогда не будет. Живой (ну почти живой) свидетель переломного момента нашей истории. Источник бесценной информации...

– Наш заключенный.

– Совершенно верно.

– И что из этого следует, дядя?

– Что пришло время кое-что изменить, и ты должен помочь в этом. Нет, не перебивай! Сначала послушай. Случай выпал очень удачный. Ты не обучен, твоя Комната еще не стала Камерой...

– Но, дядя, откуда ты?.. – почти вскрикнул Дэмьен.

– Ты думаешь, мы рождаемся с настоящими Камерами в головах? – рассмеялся Бертран Тюремщик. – Ошибка, мальчик мой. Нас этому долго учат. Мы каждый день трудимся, переделывая наши детские Комнаты в тюремные камеры. В такие, о которых ты даже и помыслить не можешь. Думаешь,

фраза «осужден на вечные муки» возникла на пустом месте?

– Но, дядя, мы же не... – у Дэмьена даже в горле пересохло, и он, осторожно поднявшись, дотянулся до бокала с вином, а затем осушил его буквально одним глотком.

– Не пытаем, ты это хотел сказать? – Бертран жестко прищурился. – А если я отвечу «да», ты согласишься на перевод?

– Я...

Хорошо, что Дэм осушил бокал до дна, иначе дрогнувшая рука щедро плеснула бы вино на белую кружевную скатерть.

– Не дергайся. Ты же с детства слышал фразу «я – Тюремщик, а не палач», верно?

– Значит, кроме Тюремщиков, есть еще и Палачи? – Дэм только и мог, что головой качать, наверное, чтобы лучше разложить по полочкам шокирующую информацию.

– Есть, – Бертран коротко кивнул. – И поверь, дело свое они знают. Так что если пообещать заключенному в обмен на определенные сведения спокойное существование без страданий... Думаю, лучше ему согласиться. А ты должен будешь убедить его в этом. Самое главное, чтобы консул оставался в неведении...

– Дядя, прости, но у меня голова идет кругом, – Дэмьен даже покрутил ею для наглядности. – Я и половины инфы не осознал. Но, кажется, понял одно: ты решился на переворот.

– И снова ошибка, Дэмьен. Переворот в мои планы пока не входит. Но мне нужна некая гарантия, нужен туз в рукаве.

Ты ведь заметил, что консул изменился. Еще год назад все было хорошо, а сейчас я назвал бы его параноиком. Он боится. Он гневается. Он жестоко расправляется с инакомыслящими. Наместники уже сами готовы переворот совершить. Надеюсь, суть ты уловил, и я спрашиваю тебя: готов ли ты исполнить не только долг Тюремщика, но и долг истинного гражданина Города?

– У меня есть время подумать? – спросил Дэм, вертя бокал между ладонями.

– До завтрака.

– Хорошо, дядя. За завтраком я тебе отвечу.

* * *

Завтрак наступил слишком скоро. Дэмьен не успел не только все как следует обдумать, но даже нормально одеться. Сначала вернулся доктор Родригес и устроил ему полный осмотр, после которого с разочарованием констатировал, что его особый пациент в относительном порядке. Потом дядя прислал камердинера, чтобы подобрать Дэму «подходящую для молодого хайсита одежду». Следом за камердинером явились слуги с кипами, на взгляд Дэмьена, сущего барахла. Потом, игнорируя протесты, степенный и полный достоинства камердинер принялся подбирать Дэмьену наряд. Именно наряд. Потому что обычной и даже торжественной эту одежду назвать было нельзя. «Молодой хайсит»

попробовал возмутиться, но вдруг понял, что сегодняшний завтрак – не просто принятие пищи в узком семейном кругу. На завтраке его представят как будущего главу дома!

А дом Тюремщиков имел богатый и разнообразный гардероб, как, впрочем, и все высшие дома. Дэм настолько отвык от материалов и фасонов, считающихся обязательными для выхода в свет, что все они казались ему нелепыми и ужасно неудобными. Простым гражданам приходилось довольствоваться тканями с городских мануфактур: вся Пасмурная зона одевалась в кожаное, джинсовое, грубое льняное и шерстяное. В Секторах шили одежду с национальным колоритом, несмотря на то, что их смешанное население генетически принадлежало к самым разным народам. Хайситы же предпочитали наряжаться в музейные костюмы в стиле XIX–XX веков. Пришельцы бережно сохраняли экспонаты Города-музея, придав им несвойственную прочность, так что одежда, созданная ими, выглядела как новая, хоть и носило ее не одно поколение высших.

«Проклятые традиции!» – пыхтел Дэм про себя, примеряя третьи брюки.

Ему уже было все равно, во что его в результате обрядят. Он со страхом ожидал предстоящей семейной встречи. Как верно заметил дядя, когда Тюремщик принимает заключенного, то автоматически становится главой дома Тюремщиков. А в будущем – первым министром Города. Об этом Дэм не хотел даже думать. И памятуя древнюю истину, что суще-

ствует только «здесь» и «сейчас», сосредоточился на застегивании целого полка пуговиц.

Он прекрасно помнил, где находится столовая. Тем не менее на всем пути его сопровождали давешние слуги. Они же почтительно раскрыли створки дверей, ведущие в трапезную залу. Хорошо хоть поклонились не в пояс – как же он отвык от подобного обращения! Мысль мелькнула и пропала, а приглушенный страх втиснулся в сердце с новой силой. Дэмьен замер в раскрытых дверях, собираясь с духом, как перед настоящим боем. С кем он намеревается сражаться? Быть может, с судьбой, которая распорядилась так, что Дэмьен Тюремщик за свою двадцативосьмилетнюю жизнь обрел и потерял целых три семьи.

Первую судьба отняла, когда ему было тринадцать. Какой-то маленький изъян в какой-то маленькой шестеренке, и паровоз на полном ходу сходит с рельсов. С тех пор Дэмьен начал побаиваться поездов. А позже возненавидел.

Вторую семью Дэмьен оставил сам, перешагнув семнадцатилетие. И пусть иного выхода не было, он справедливо винил в этом только самого себя. Третью же семью...

Дэм усилием воли остановил поток нахлынувших воспоминаний. Нельзя. Иначе он предъявит судьбе такой счет, по которому она никогда не сможет расплатиться. Лучше просто перешагнуть порог и громко на всю залу объявить:

– Доброе утро!

Они стояли у накрытого стола, явно дожидаясь его при-

хода. И, судя по безупречно подобранной одежде, так же как Дэмьен, готовились к этой встрече. Что чувствовали сейчас его самые близкие по крови люди? Тревогу? Страх? Радость? Горе? Что принесет им его возвращение?

Дэм мельком взглянул на дядю Бертрана, стоящего чуть левее своего кресла во главе стола. Роскошный халат тот сменил на смокинг и выглядел вполне обычным, разве чуть более сосредоточенным. Его старший сын Марк, ровесник Дэма, со сдержанным любопытством рассматривал вошедшего кузена, опираясь одной рукой о спинку дядиного кресла, а другой обнимая за плечи худощавого подростка. Бледное лицо младшего члена семьи – Оливера – почти сливалось с кружевным жабо. Зато карие глаза горели огнем чистой ненависти. Так ненавидеть можно только в тринадцать.

Дэмьен прекрасно сознавал причину: он отнимал у младшего кузена то, что принадлежит Оливеру по праву. Заключение, статус главы семьи, должность премьера... Возможно, через несколько лет мальчишка поймет, что только сила обстоятельств вынудила «бессовестного узурпатора» пойти на этот шаг, ибо другого пути просто не было. А может стать-ся, не поймет никогда. Не простит, это уж точно.

Взгляд Дэмьена сместился да так и застыл, задержавшись на невысокой стройной фигуре – единственной женщине в зале. Тетя Марта стояла очень ровно, и повинен в этом был отнюдь не корсет бледно-голубого длинного платья. Разумеется, она постарела, но все равно привлекала неброской, ми-

лой сердцу, а не глазам красотой. Тонкие, белые, точно фарфор, руки беспрестанно комкали вышитый носовой платок.

Молчание затягивалось, Дэм все никак не мог отвести глаза от живущих своей нервной жизнью рук тети, когда услышал тихое:

– Дэмьен, мальчик мой. Ты жив. Ты вернулся...

Несколько широких шагов, и колени сами преклоняются перед маленькой женщиной, улыбающейся и плачущей одновременно. Дэмьен судорожно стиснул тетины запястья и спрятал лицо в ее раскрывшихся навстречу ладонях.

– Простите. Простите меня. Умоляю, простите...

За что просил прощения Дэмьен Тюремщик, не знал даже он сам. Может, за то, что целый год после смерти родителей доводил тетю до обмороков своими сумасшедшими выходками? За то, что умер, и ей пришлось оплакивать его, как родного сына? Или за то, что воскрес и сейчас отнимает у нее самое дорогое? Ведь после того, как произойдет перевод заключенного, дядя Бертран должен будет развестись, ради брака с другой «подходящей» женщиной, или взять в дом постоянную любовницу.

– Все хорошо, Дэмьен. Все хорошо. Ты вернулся, и все будет хорошо. Ты ведь спасешь его, правда? Ты согласишься?

– Конечно, тетя, – Дэмьен поднялся, не выпуская ее рук. Бесхитростные вопросы Марты позволили ему взглянуть на ситуацию под другим углом. – Конечно, соглашусь. Разве могу я поступить иначе?

Завтрак прошел... неплохо. Когда первые впечатления от встречи улеглись, Дэмьен смог даже проглотить традиционную в их семье творожную запеканку. И не только ее. Слуги появлялись и исчезали незаметно, меняя блюда перед сидящими за столом высшими. И Дэмьен еще раз убедился в справедливости поговорки «Аппетит приходит во время еды». Похоже, организм решил пополнить исчерпанные резервы за один присест.

Когда подали травяной чай, молчание сменилось неспешной беседой. Говорил в основном Бертран, которому иногда поддакивал Марк. И ни одного вопроса Дэму о том, как он жил все эти годы, задано не было. Даже тетя, чье женское любопытство било через край, все-таки сдерживалась. Все-му свое время. А сейчас приближалось самое важное – время перевода.

– Ты сказал, что дашь ответ, – напомнил Бертран, поднимаясь из-за стола.

На что Дэм тоже поднялся и просто ответил:

– Я выполню свой долг, хайсит.

– Хорошо. Тогда следуй за мной.

Бертран вел племянника по знакомым и в то же время незнакомым коридорам восточного крыла. В отличие от западного, здесь многое изменилось. Дэмьен готов был поклясться, что половина предметов обстановки исчезла. Роскошь заменялась функциональностью и какой-то нарочитой строгостью. Старинные кресла, что стояли почти в каждом

удобном уголке, заменили на странно выгнутые стулья. Дэм чуть было не попросил дядю остановиться, чтобы оценить их удобство. Но дядя остановился сам перед совершенно гладкой металлической дверью.

– Прежде чем мы пойдем к Машине, я хотел бы задержаться. Ты позволишь, племянник?

– Конечно, – Дэм даже немного растерялся.

Зачем бы дяде спрашивать у него разрешения?

– Это ненадолго. Можешь подождать здесь, – Бертран указал Дэму на так заинтересовавший его стул.

Затем нажал несколько раз на ничем не выделяющийся участок стены, после чего дверь отъехала в сторону, открывая проход в тут же осветившуюся небольшую комнату. Не то чтобы Дэма удивило это чудо механики, в спецхране он видел и не такие вещи. Но то, что дядя устроил нечто подобное у себя, заставляло задуматься. Чем Дэм и занялся, когда дверь за Бертраном плавно встала на место. Перед этим ему удалось бросить быстрый взгляд на скудную обстановку комнаты, и теперь оставалось только гадать, для чего там понадобился высокий трехногий стул, стоящий в центре нарисованного на полу треугольника.

Гадать пришлось недолго. Бертран вернулся буквально через несколько минут и, сделав Дэму знак следовать за ним, пошел дальше.

– Позволь задать тебе вопрос, дядя, – после короткого молчания Дэм решил озвучить свои догадки. – Когда ты стал

жрецом Триединого?

– Я стал им давным-давно. Почти сразу же после перевода. Это еще одна обязанность Главного Тюремщика со времени Восстановления. Глава дома обязательно становится жрецом Триединого. И ты со временем станешь. Не спорь. Об этом поговорим позже. А сейчас сосредоточься на своей Комнате. Проверь, надежно ли она закрывается.

– Не беспокойтесь, хайсит, – Дэмьен не собирался докладывать дяде ни о кровати под балдахин, ни о видеоприставке, ни тем более о свойствах телевизора. – Замки надежны. Ему никогда не выйти оттуда.

– Рад, что ты так уверен, – Бертран остановился и снова что-то нажал на стене, открывая проход на узкую винтовую лестницу, ведущую вниз. – Потому что мы почти пришли.

После недолгого спуска (Дэм определил глубину примерно в три этажа) они пошли по горизонтальному проходу, полностью выложенному милком. Без постоянного воздействия солнца он почти не светился, так что фонарь, зажженный дядей, оказался необходим. Пол пружинил так же мягко, как в Кольце, и Дэмьен невольно напрягся. Ничего хорошего от технологий сектов он не ждал и, несмотря на сильнейшее желание избавиться от Пустоты, с бьющимся сердцем пытался представить процедуру перевода. Дядя в подробности не вдавался, сказав лишь, что все будет очень просто. По крайней мере для Дэма.

Помещение с Машиной (язык не поворачивался назвать

его комнатой) выросло прямо из коридора. Стены, пол, потолок начали постепенно расходиться, закругляться... Дэмьен опомниться не успел, как оказался на дне большой, слабо фосфоресцирующей сферы, до границ которой не дотягивался свет фонаря. Зато он дотягивался до стоящей в двух шагах Машины, которая, казалось, росла прямо из пола. Больше всего она напоминала перекрученное временем и ветром трехметровое осиное гнездо, слепленное из того же мила. Вероятно, для сектов это был универсальный материал.

Бертран подошел к Машине и пальцем начертил на ней какой-то знак. В ответ раздался тихий, очень высокий писк почти на пределе слышимости.

– Сличает генетический код, – пояснил он. – Только Тюремщики могут ее активировать. Какой-то ген передается по мужской линии, очевидно, ответственный за существование Комнаты в нашем разуме.

В этот момент писк прервался, и ближайшая к Дэмьену округлая стена Машины начала вдавливаться внутрь, пока не образовала неглубокую нишу высотой чуть выше человеческого роста.

– Когда я скажу, ты войдешь туда и встанешь спиной к стене, – пояснил Бертран вибрирующим от напряжения голосом. Но, возможно, это шутило шутики скользящее по сфере эхо.

Он продолжал чертить знаки, и в ответ на каждое движе-

ние пальцев искорки зеленого света проскакивали под молочно-белой поверхностью. Скоро рядом с первой нишей появилась вторая.

– Сейчас я начну считать, и мы будем делать все одновременно. На «раз» входим, на «два» поворачиваемся, на «три» плотно прислоняемся к стене. Потом просто стоим. Я скажу, когда перевод завершится. Ты можешь почти ничего не ощутить, но я буду знать. Все ясно?

– Да.

– Тогда раз... Два... Три.

* * *

Дэмьен стоял у стены, которая спустя некоторое время приняла форму его тела, поглотив чуть меньше чем наполовину. Он чувствовал... Да ничего он не чувствовал. Милк нагрелся от соприкосновения, и Дэмьен даже не мог точно сказать, где заканчивается человеческая плоть, а где начинается Машина. Потом что-то произошло. Теперь Дэмьен не мог сказать, где заканчивается его сознание и начинается что-то чужое, холодное, рациональное, неживое. Ему показалось, что дядя закричал, и вдруг сразу стало очень тихо, исчез даже шум крови в ушах. Затем отключились осязание и зрение. Дэм не знал, продолжает ли он дышать или давно забыл, как это делается. Но страха не было. Ледяное спокойствие Машины превратило все эмоции в маленькие зеленые

кристаллы льда, которые складывались в причудливые узоры чужой письменности. Кай. Он – маленький Кай из сказки про Снежную Королеву, у которого не осталось ничего человеческого, кроме вопросов. Как Машина это делает? Почему он не чувствует Комнаты? Он поймет, когда перевод завершится? Он может умереть?

На секунду Дэмьену показалось, что он уже умер, а в следующий миг на него обрушился шквал зрительных, слуховых и прочих ощущений. Весьма неприятных.

– Дэмьен, очнись!

Хлесткая пощечина заставила глаза Дэма широко распахнуться, и в них сразу хлынул свет фонаря, который Бертран поднес ему прямо к лицу. «А у дяди тяжелая рука, хорошо, что он меня в детстве ей не воспитывал», – подумал Дэм и вдруг понял, что действительно не может дышать. Благо вторая пощечина, мотнувшая его голову в сторону, помогла делу, и Дэм услышал собственный судорожный вдох.

– Что... кх... случилось? Мы его перевели? – просипел он.

– Перевели, – дядя поставил фонарь и, усевшись на пол, смахнул со лба частые капли пота. – В конце что-то пошло не так, но это когда он уже был у тебя в Камере. Мне показалось, что ты... Это очень странно... Мне показалось, что ты уходишь в Машину. Точнее, уходит твое сознание. Такого никогда еще не было. Пришлось вытаскивать тебя, не дожидаясь полной остановки процесса. Что сейчас чувствуешь?

Дэмьен прислушался, закрыв глаза.

– Все как обычно. Только голова немного болит. Хотя...

Осознание рухнуло, как подкошенная молнией башня. Его Пустоты больше нет. Она наконец-то заполнилась. Это было странно, непривычно и... удивительно приятно.

– Я не ощущаю Пустоту, дядя, – Дэмьен сел и потер виски, с восторгом прислушиваясь к чувству завершенности.

– Зато я ощущаю, – хмыкнул тот в ответ. – Придется снова к ней привыкать.

– Ты не жалеешь?

– Когда речь шла о моей жизни? Ничуть. Просто многое теперь изменится для меня.

Бертран с криком поднялся, и Дэму показалось, что дядя постарел разом на десяток лет.

– Вставайте, хайсит Главный Тюремщик, – обратился он к Дэму и протянул руку. – Для тебя теперь тоже многое изменится, но об этом поговорим позже. Пора возвращаться. Тебе обязательно нужно будет поспать. Вечером встреча с консулом, и, как я понимаю, ты должен быть во всеоружии. Он сейчас в таком состоянии, что любая оплошность может привести к непредсказуемым последствиям.

– Я понял, дядя. Я буду очень осмотрителен.

* * *

– Хайсит Тюремщик.

– Хайсит консул.

Дэмыен опустил голову в коротком поклоне и тут же пожалел об этом. Боль вернулась и с новой силой вгрызлась в мозг, как будто собиралась пожрать его целиком. Ему удалось подремать около часа, прежде чем приступы мигрени окончательно прогнали сон. Хмурый Бертран сказал, что это очень необычно. Успокоил Дэма насчет узника – он будет в отключке после перевода по крайней мере двенадцать часов. Взял с племянника слово докладывать обо всем, что с ним произойдет, и откланялся. А еще Дэмыену весь день было очень холодно, несмотря на летнюю погоду и старания доктора Родригеса. Не лучшее состояние, особенно теперь. Как справедливо заметил Бертран, Дэму понадобятся все его силы для предстоящего разговора с правителем.

– Я отпустил слуг. Наливать будем сами. Садись.

Консул указал Дэмыену на кресло у камина, а сам занял второе, через низкий стол, накрытый на двоих.

– Мое особое вино. Как раз для таких случаев, – Консул поставил на стол большую бутылку темного стекла и хмыкнул. – Ты устаиваешься великой чести, Дэмыен Тюремщик.

Дэм поежился и протянул руки к огню. Разумеется, камин не нужен в апартаментах с центральным отоплением, да еще теплым летним вечером, но, глядя на живое пламя, Дэмыен всемерно одобрял выбор консула. Теперь можно согреться и, задумчиво любуясь игрой огненных языков, не смотреть

в прищуренные глаза Квентина Арпада.

– Как прошел перевод?

– Проблем не было.

– Хорошо, – консул до краев наполнил вместительные бокалы. – Выпьем за нового Главного Тюремщика!

Дэмыен поднес бокал к губам, одним махом осушил его и только тогда осознал, как измучила его жажда.

Консул, едва пригубивший действительно превосходное вино, не то удивленно, не то осуждающе покачал головой и продолжил:

– Ты понимаешь, что нам теперь придется очень часто встречаться? Конечно, премьером ты станешь не сразу. Я не могу так рисковать кабинетом министров. Но должность в нем ты, безусловно, получишь уже в ближайшую неделю.

– Я понимаю, – Дэмыен не отрывал взгляд от огня, наслаждаясь теплом снаружи и внутри, – вино оказалось куда крепче обычного.

– Хорошо, – консул снова наполнил бокал Дэма. – Тогда за будущего премьер-министра!

Дэмыен выпил молча и снова до дна: сейчас пойдет настоящий разговор.

– Как ты выжил? – консул смотрел на него сквозь бокал, и вино отбрасывало на бледное вытянутое лицо кровавые блики.

– Случайно.

Дэм не спешил вдаваться в подробности, но, как оказа-

лось, они от него и не требовались.

– А как жил?

– Странствовал. Побывал во всех Коммунах, даже в варварских землях. Был легионером. Недолго. Добытчиком тоже был...

– Наслышан, – консул осушил бокал, задумчиво повертел его в руке, потом снова наполнил. – А что за история с раздачей бесплатного экса?

– Дал обет. За свое чудесное спасение.

– Обет. Не думал, что ты и слово такое знаешь...

– Знаю.

– А ты знаешь, что если бы не узник и не жизнь Бертрана... – руки консула сжались в кулаки. – Знаешь, что я не могу видеть рядом человека, который предал меня!

«Вот мы и добрались до самого главного», – подумал Дэм и осторожно произнес:

– Если вы называете любовь предательством...

– Молчи! Лучше молчи сейчас. Ты, семнадцатилетний сопляк, полгода водил меня за нос, тайно встречаясь с ней. Смотрел мне в глаза, а в душе смеялся над отцом-простофилей, не сумевшим уберечь от тебя дочь? А ведь я когда-то на коленях тебя держал! Ты был единственным другом моего сына. Как ты мог так поступить с нами?!

– Во имя всех несуществующих богов, мне было семнадцать! – Дэм вдруг понял, что вскочил, и быстро опустился обратно.

Слуг консул отпустил, а вот охраны за дверью на роту хватит.

– Мне было семнадцать, – уже тише добавил он. – Я любил Елену. А она любила меня. И восемнадцать ей уже исполнилось, она могла сама решать...

– Решать? Да пусть бы решала! Пусть бы влюблялась хоть в простого легионера, хоть в конюха последнего! Но только не в тебя...

– И чем конюх был бы лучше? – Дэмьен почувствовал, будто слабый ток пробежал по телу, а во рту поселился смутно знакомый терпкий привкус.

– Тем, что не из вашего проклятого рода, – консул стиснул горло бутылки так, будто это было горло Дэмьена, и он собирался его раздавить. – Думаешь, я не узнал? Что она была для тебя «идеальной» женщиной?

– Откуда вы...

– Нашей дружбе с твоим дядей уже много лет, – горько усмехнулся Квентин Арпад. – И все тайны Тюремщиков для меня не тайны. Чтобы помочь обуздать вашу Пустоту, вам нужны женщины. Не обычные женщины, они только сделают хуже. Вам нужны «подходящие» женщины. С которыми вы можете переспать, не опасаясь, что утром от тоски перережете им и себе глотку. А таких женщин, увы, немного. Поэтому консулы и закрывают глаза на то, кого именно Тюремщики берут в жены. Да будь они трижды шлюхами и преступницами, главное, чтобы были «подходящими». Но этого мало.

Окончательно вам отказывает разум, когда подворачивается «идеальная» женщина. То есть наоборот. Она так идеально подходит Тюремщику, что он уже не ощущает свою Пустоту и может жить нормальной жизнью. Только не каждому вашему отпрыску такая попадается на пути. Твоему отцу попалась. Твоя мать... Ты хоть знаешь, откуда он ее привез? От варваров! Я тогда смолчал. Это у вас, видите ли, жизненная необходимость! Но когда ты... Когда я узнал, что Елена...

– И что плохого?! – Дэм едва не сорвался на крик. – Чем я вам не угодил? Происхождение, статус, деньги. У меня было все! Лишь на ступень ниже вас, я был долбаный почти что принц! Почему вы не могли отдать мне свою принцессу?! И не надо тыкать моей ненормальностью. Рядом с Еленой я бы навсегда забыл о Пустоте!

– Ты – да. А твои дети? – почти прошипел консул. – Тебе уже не семнадцать, неужели ты не понимаешь, на какие страдания обрек бы ее? Видеть, как твои сыновья, твоя кровь и плоть медленно угасают от грассы, так же как твой кузен, или ежедневно рискуют жизнью, чтобы не сойти с ума, так же как ты сам. Или просто сходят с ума. Ведь ты побочная ветвь. У тебя не было узника, чтобы передать даже одному твоему сыну и тем спасти его от безумия. Не зря в роду Тюремщиков остается только ствол – все боковые ветки просто отмирают. Неужели я мог допустить этот брак? Ваши дети погибли бы у вас на глазах, а вы ничего не смогли бы сделать.

На этих словах Дэмьен застыл. Глаза его потухли, а рука

опять потянулась к бокалу.

– И этого оказалось достаточно, чтобы разрядить в меня ваш револьвер? А потом травить в Кольце, как дикого зверя?

– Да, – просто ответил консул. – Если у тебя будут свои дети, ты поймешь...

Ему показалось, что лицо Дэма побледнело еще больше. И чувство жалости, которое он никак не ожидал различить в себе, вынырнуло почти на поверхность. Ненависть давно ушла. Осталась лишь тупая боль, потому что...

– Она сохла по тебе еще несколько лет, – консул тоже допил свой бокал. – Потом вышла замуж. Говорила, что по любви. Не знаю. Моему внуку уже пять исполнилось.

– Мы встречались, – губы Дэма против воли растянулись в улыбке. – Очень шустрый мальчишка. И похож на вас, хайсит.

Консул скривился, будто разжевал лимон.

– Я не знаю почему, но ее муж назвал сына Дэмьеном. Может быть, это судьба...

Он вдруг поднялся, в один миг оказавшись около Дэма, поднял его за лацканы смокинга и мелко затряс.

– Я приказываю... Я прошу... Держись от нее подальше, слышишь! Не разрушай ее жизнь. Не заставляй меня ненавидеть тебя снова!

– Даю слово, хайсит, – Дэмьен не сопротивлялся. – Меньше всего на свете я хочу видеть Елену несчастной.

– Значит, мы договорились.

– Договорились, хайсит консул.

– Я верю твоему слову, Тюремщик. Это странно, ведь я теперь не верю никому. Но ты словно старая вещь из прошлого. А старые вещи не лгут.

Получив ответ на главный вопрос, консул буквально выставил своего будущего премьера за дверь. Очевидно, одно только присутствие Дэмьена было для него если не пыткой, то источником неконтролируемого раздражения. Выйдя от консула, Дэм быстро миновал охрану и заторопился к выходу, кружа по паутине коридоров, благо знакомы они ему были с самого детства.

Он все еще мысленно прокручивал непростой разговор, когда услышал в отдалении легкие шаги и шелест платья. Это могла быть простая горничная или служанка, прачка, камеристка, секретарша... Но шестым, седьмым, десятым чувством Дэмьен знал, кто так поспешно идет по коридору и вскоре покажется из-за ближайшего поворота.

Помня о том, что данным словом, он растерянно огляделся по сторонам и, не найдя ничего похожего на убежище, по укоренившейся привычке в три прыжка оказался на потолочной балке. Растянувшись на ней и прижавшись щекой к потемневшему, потрескавшемуся дубу, он смотрел, как Елена Арпад решительными шагами проходит по коридору и скрывается за очередным поворотом. Дэмьен мало что сумел разглядеть сверху. Почему-то запомнились ее решительно поджатые губы. Кажется, консулу предстоит еще один непро-

стой разговор.

Слушая, как колотится сердце, невольный соглядатай не спешил спускаться вниз. Он лег на спину и уставился невидящим взглядом в нависший потолок. О нет, он видел, но совсем иное. Когда случайный сквозняк донес аромат ее духов, воспоминания закружились вокруг сумасшедшими бабочками и буквально облепили Дэмьена, приникнув радужными крыльями. Пришлось собрать остатки воли и поспешно спускаться вниз – не хватало еще, чтобы его обвинили в шпионаже.

Дэм добрался до своей комнаты в фамильном особняке и, не раздеваясь, без сил повалился на кровать. Чувствовал он себя ужасно уставшим и слегка озадаченным. Слабые токи пробегали по телу вверх-вниз. Почти неразличимый шепот лился откуда-то из-за грани сознания... Было в этом что-то знакомое, чего он не смог пока уловить, но обязательно... Потом... Вот только поспит немного... Поспит... Спит.

* * *

Боль! Нет боли... Страх! Нет страха... Почему? Почему их нет? Они были всегда и будут всегда. Почему радость? Ее не должно быть! Только страх! Только боль! Где они? Почему их теперь нет?

Потому что ночь. Потому что постель. Потому что самая прекрасная женщина в твоих объятьях шепчет, что будет лю-

бить тебя всю жизнь и даже после. А ты молодой и горячий, и у тебя нет сил и времени отвечать ей. Вместо звука – движение, вместо слова – стон. Сон.

Сон, который ранит сильнее, чем любая боль. К боли он привык. Как и положено человеку. А этот сон... Движения тел ускоряются, где-то за веками рождается ослепительный свет... Эта пытка куда изощренней тех, других. Сон о любви и счастье...

Он уже понял, что перевод завершен, а в его боль и страх безумным ураганом ворвались воспоминания нового Тюремщика. Это случилось не впервые. Иногда, когда Тюремщики спали, он мог спать вместе с ними и видеть их сны. Только это были необычные сны. Это были настоящие воспоминания. Ослепительные, как полуденное солнце, дорогие, как жизнь любимого человека, страстные, опасные, яростные – заставляющие кровь кипеть в жилах. У него давным-давно нет крови в жилах, но в таких снах он неразделим со своим Тюремщиком и потому чувствует, слышит, видит...

Видит, как резко распахивается дверь спальни и в проеме появляется взбешенный светловолосый мужчина, сжимающий в руке револьвер. Слышит истошный женский крик: «Нет, папа! Не надо!!!», треск выстрелов. Чувствует холод пола под босыми ногами, боль от чиркнувшей по ребрам пули, острые осколки оконного стекла, заливающую глаза кровь, расступающийся при падении воздух...

Он бежит, перепрыгивая с крыши на крышу невысоких,

сложенных из милка домов, к спасительным, как ему кажется, башням Кольца. Он взбирается на свою любимую башню по опасно округлым ступеням, спирально взбегающим к самой крыше. Это хорошо, что он босиком, так нога лучше чувствует опору и не скользит. Нужно только взобраться на порозовевшую от рассвета крышу, а там... Там у него давно устроена переправа на соседнюю башню. А там еще одна, и еще... Он выиграет время и, выбравшись из Кольца, затеряется в диких лесах и необжитых землях. Ни один агент Тайной полиции, ни один карабинер не догонит его по земле, застряв в непролазных остатках разрушенных башен и горах битого милка. Он оторвется, обязательно оторвется. Нужно только отвязать за собой переправу, и он будет в безопасности.

Но, забравшись на башню, он понимает, что ошибся. Взбешенный консул сумел вселить в своих марионеток такой страх, что они почти не отставали и уже одолели три четверти подъема. Он хватает лежащий под ногами альпинистский карабин, защелкивает на шнуре и, проверив прочность крепления, вцепляется в него обеими руками. Шаг, толчок, и он уже скользит по натянутой переправе, стремительно приближаясь к более низкой башне. Остается каких-то сорок метров, и он спасен!

Переправа вздрагивает под напором холодной стали. Какой-то шустрый тайный агент, далеко опередивший остальных, ударил по ней мечом – приказа «брать живым» консул

не отдавал. Беглец до крови кусает губы, чтобы не закричать от какой-то детской обиды, когда второй удар перерубает полипропиленовый шнур.

Он падает и с ужасом наблюдает, как вырастают внизу расколотая крыша невысокой башни и буйные грассовые кусты, облепившие края разлома. Слышит треск ломающихся веток, чувствует удар и гасящую сознание боль... Успевает еще увидеть, как вместе с краем крыши он падает в разлом и как вызванный столкновением обвал уносит его все глубже и глубже в чрево рассыпающейся башни. А потом окончательно проваливается в черноту.

Сон кончился. И он не умер. Почему он не умер? Он хочет умереть. Он так хочет умереть! Не будет боли. Не будет страха. Ничего не будет. Почему он должен страдать? Почему столько лет? Почему он с ним так поступил? Почему? Почему-ууу?! У-у-у!!!

Глава IV

Дэмиен проснулся от воя. Он бросился к окну, к двери, выглянул в коридор... И покрылся холодным потом, осознав, что эти жуткие звуки раздаются лишь в его сознании, а точнее, в Комнате. Сердце еще не успокоилось после ночного кошмара, а тут еще это... Нет, разумеется, это был не кошмар. Просто память сыграла с ним скверную шутку, во всех подробностях преподнесла события одиннадцатилетней давности. Разгневанный консул, побег, падение, смерть... Почти смерть. Однако тогда он не сомневался, что жизненный путь его окончен, толком не начавшись. Что же касается воя...

– Доброе утро, Дэмиен, – дядя вошел, едва ли раз стукнув по двери ради сохранения приличий. – Ну и горазд же ты спать! А я с утра к тебе с сюрпризом.

Он бросил на стол конверт, скрепленный черной государственной печатью.

– Насколько я понимаю, это твое назначение. Не хочешь вскрыть? Даже мне, признаюсь, любопытно, на что подписал тебя Квентин.

Дэм через силу подошел к столу и, стараясь игнорировать завывания в своей голове, взял со стола конверт. Потом взломал печать, достал лист назначения и, быстро пробежав глазами подписанный витиеватым росчерком документ, швыр-

нул его на кровать.

– Да он издевается! Министр сельского хозяйства?! – возмущение и непонимание были таковы, что даже непрекращающийся вой слегка поутих. – Дядя, ты же говорил, что он параноик, а не идиот!

– Вот именно, параноик! – Бертран мигом растерял свой добродушно-шутливый настрой и, вплотную подойдя к Дэму, прошипел: – Сегодня утром он едва не отправил на казнь половину своей охраны. Видите ли, ночью ему что-то почудилось. И хвала Триединому, что тебе подписали назначение, а не еще один смертный приговор.

– Думаю, он все-таки подписал смертный приговор. Сельскому хозяйству, – нервно хохотнул Дэмьен и, поморщившись, потер виски.

– Что? – Бертран обеспокоенно пытался заглянуть в глаза племянника.

– Дядя, прости за странный вопрос... Ты уверен, что наш заключенный – человек? Не могло быть ошибки или саботажа с подменой сознания?

– В чем дело? – Бертран насторожился, как охотничий пес.

– Он... воет. Просто воет. Ни одного слова. Ни намека на... человекоподобие.

– Значит, я был прав, – покачал головой старый тюремщик. – Твоя незавершенная Комната позволит нам поговорить с ним.

– Боюсь, что говорить будет не с кем, дядя, – Дэм еще раз потер виски. Вой нарастал волнами, то затихая, то снова набирая силу. – Думаю, он просто чокнулся. Полтора века заключения и... пыток. Нет сознания, что могло бы вынести такое и не сойти с ума. Обычно не знаешь, как день продержаться, а здесь...

– Пока рано делать выводы, племянник. Ты ведь слышишь вой всего ничего. Может быть, это последствия перевода. Мы не знаем. Мы никогда не слышали его. Камеры надежно все изолировали. Только один раз мой дед говорил, что слышал... Когда Палач...

Бертран осекся, на секунду прикрыл глаза и, впившись в племянника цепким взглядом, спросил:

– Что ты имел в виду?

– Когда? – не понял Дэм.

– Когда сказал, что обычно не знаешь, как день продержаться. Под пытками.

– Ничего, дядя. Я просто гипотетически предположил.

– Я видел тебя во время перевязки. Никаких следов, но может быть...

– Без «может быть», дядя. Ничего такого со мной не было, – Дэмьен поморщился. – Но сейчас есть! Я читал, что раньше применяли пытку звуком – «музыкальная шкатулка» называлась. И если этот вой не прекратится, я не знаю, как долго смогу выдержать. В таком случае вы получите еще одного сумасшедшего. Будете кормить меня с ложечки и дер-

жать прикованным к кровати, пока Оливер не достигнет совершеннолетия и не появится возможность провести еще один перевод.

– Об этом рано говорить. Сперва подождем, – Бертран потрепал Дэма по плечу. – Потом что-нибудь придумаем. А пока я предупрежу консула, что ты адаптируешься после перевода и вступишь в должность чуть позже.

– О несуществующие боги, пожалейте наше сельское хозяйство! – Дэмьен пытался шутить, хоть на душе было совсем невесело.

– Не переживай, хайсит министр. У тебя будет полный штат опытных работников. Останется только подобрать толкового референта, который взвалит на себя львиную долю твоих обязанностей. Этим, пожалуй, я и займусь в ближайшее время. А ты отдыхай. И попробуй поговорить с узником. Может быть, все не так печально, как кажется.

– Хорошо, дядя, – Дэм глубоко вздохнул. – Я попробую. Пробовать он начал, едва за Бертраном Тюремщиком закрылась дверь. На всякий случай Дэм вернулся в кровать и с первой же попытки «ушел» в себя, гадая, какие сюрпризы ему преподнесет новый обитатель Комнаты. Когда до нее оставалось совсем немного, его просто оглушил очередной вопль заключенного. Преодолев последние метры, Дэмьен остановился, удивленно созерцая на белой двери тюремную решетку. «Так это было реально?» Дэм вспомнил, как во сне он самолично протер эту решетку, чтобы наблюдать за плен-

ником. «Неудивительно, что его так хорошо слышно», – подумал теперь уже настоящий Тюремщик и, подойдя к решетке, с тяжелым сердцем заглянул в Комнату.

В Комнате был... было... У Дэмьена не хватило слов, чтобы описать существо, которое с воем двигалось по кругу, в странном, изломанном танце. Копна волос? Ком шерсти, из которых иногда выныривали руки и ноги, существовавшие, казалось, абсолютно отдельно. Страшилище то подпрыгивало, то валилось на пол и продолжало, продолжало издавать полувой-полустон, от которого просто разрывались барабанные перепонки.

– Эй, – не выдержав, заорал Дэмьен и затарабанил по двери. – Заткнись немедленно! Заткнись, а то Палача позову!

– Ууу! – эхом отозвалось существо, ни на миг не прекращая своего безумного танца. – У-у-уу!!!

Дэм еще несколько минут пытался достучаться до, очевидно, разорванного в клочья рассудка узника, но безуспешно. Единственное, что пришло ему в голову, – создать хоть какую-нибудь звукоизоляцию. Он попытался сосредоточиться и представить, как решетку закрывает плотно прилегающая дверца с замком. И счастьем его не было предела, когда после очередной (на тридцатой Дэм перестал считать) попытки это удалось. Нет, вой никуда не делся, но силу свою растерял, и, может быть, он не свихнется, постоянно слыша его в своей голове.

«Вернувшись», Дэмьен сосредоточился на своих ощуще-

ниях. Да, звук стал значительно тише. Но терпеть это изодня в день... Дэм потер лицо, пытаясь прогнать остатки видения, – воющее и танцующее нечто, скрытое скатавшимися в колтуны волосами. Непонимающее, неосознающее, неживущее. Вот и поговорили о загадках истории, о потерянных технологиях...

Наступило время завтрака, но аппетита не было, а сидеть в столовой, кожей ощущая сочувствующие (и злорадные) взгляды родственников, не слишком хотелось. Хотелось снова оказаться в Кольце, взобраться на башню и...

– А ну, пошел отсюда, попрошайка! – донесся сквозь открытое окно крик охранника у парадного входа.

Послышалась какая-то возня, и до боли знакомый голос горе-библиотекаря выкрикнул:

– Мне нужно срочно встретиться с Дэмьеном Тюремщиком! Передайте, что его ждет...

– Да как ты смеешь...

Возня стала громче. Дэмьен решил, что тратить время на пробежку по коридорам особняка не стоит, и сиганул в раскрытое окно. Что ему, Шеру, прыжок со второго этажа? Да хоть с третьего.

Вывернув из-за угла, Дэмьен двинулся к охранникам, уже заломившему Сандро руки, и как можно надменнее поинтересовался:

– Что здесь происходит?

– Да вот, хайсит Тюремщик, ходит тут, попрошайничает, –

доложил старший охранник, вытягиваясь так, что темно-зеленая форма натянулась до треска.

– Я просто хотел встретиться с то... с вами, хайсит Тюремщик, – проскрипел Сандро, морщась от боли в вывернутых суставах. – Я должен сообщить вам нечто очень важное.

– Отпустите его, – приказал Дэм. – Сейчас же.

Охранники не решились роптать и послушно выполнили приказание. Библиотекарь пошатнулся, но устоял.

– Иди за мной.

Дэмьен кивнул Сандро и, не оборачиваясь, двинулся к крыльцу. Но услышав позади чересчур хриплое дыхание, развернулся, чтобы вовремя поймать оседающего парня.

– Это просто какой-то рок – опять ты на мне едешь! – прохрипел Дэм, затаскивая Сандро по лестнице на второй этаж. И подивился, как ему не пришло в голову переложить библиотекаря на плечи охраны. Плохой из него пока получается хайсит.

Сгрузив свою ношу на кровать, Дэмьен тяжело опустил-ся рядом и некоторое время переводил сбившееся дыхание. Все-таки он еще слаб, а отдохнуть как следует и набраться сил, видимо, удастся нескоро. Тем более, что пришедший в себя Пасмурный уже трещит без умолку.

– ...а потом в предварительной камере я случайно услышал разговор. Говорили двое, и говорили тихо. Но там звук так забавно отражается от стен, что я расслышал почти все. И мне это не понравилось. Возможно, я кое-что не понял, но

все запомнил. У меня прекрасная память, ее в меня...

– Знаю, мастер вколотил, – пробурчал Дэм.

На самом деле он вдруг почувствовал себя... спокойным. Болтовня Сандро оказывала на него какое-то гипнотическое действие, даже вой в голове превратился в слегка раздражающий фон.

– Первый голос принадлежал тому Тайному полковнику, Свену, – продолжал Сандро. – Второго я ни разу не слышал. Они говорили о Тетради.

– О какой тетради? – почти убаюканный Дэм пытался вникнуть в суть библиотечарского рассказа, но получалось плохо.

– О Тетради! Помнишь, среди книг, что я нашел, была Тетрадь с дневниковыми записями? Ее вместе с книгами у меня отобрали при аресте. Так вот там оказалось такое! Я не все расслышал, но... В общем Свен сказал, что Тетрадь подтверждает их долг. Долг Триединому! Представляешь, полковник Тайной полиции состоит в этой кровавой секте!

– Подожди, Сандро, почему кровавой?

– Потому. Потому я и пришел к тебе. Потому, что они собираются принести в жертву Главного Тюремщика! Твоего дядю.

Библиотечарь замолчал, наблюдая за реакцией Дэмьена, но не заметил чего-либо особенного. Как будто речь шла не о кровавом заговоре, а о перемене погоды.

– Они так и сказали? – после долгой паузы переспросил

Дэм. – Принести в жертву Бертрана Тюремщика?

– Цитирую дословно: «Хвала Триединому. Мы знали, что время приходит. И вот получили еще одно доказательство, даже с уточнением». Это сказал Свен. А второй добавил: «Значит, в Тетради указано третье октября, после которого все наконец изменится. Но цена...» – «Ничтожна. Это не партия в шахматы и Главный Тюремщик отнюдь не ферзь. А даже если и так. Ферзя тоже приносят в жертву ради победы». Вот что ответил Свен. И я пошел к тебе. Как только доктор Родригес вытащил меня из полицейского департамента.

Дэмыен отстраненно отметил, что нужно будет поговорить с Эрнандо об этом освободительном подвиге, и попытаться сосредоточиться на услышанном. Получалось не слишком хорошо. Во всех смыслах.

– Но если ты верно передал разговор, то ни о каких кровавых жертвах в нем речи не было, – покачал головой Дэм. Интересно, кого он пытается успокоить, библиотекаря или себя?

– Не в прямую, – согласился Сандро. – Но они говорили так, что я уверен: речь идет о жизни Главного Тюремщика. Ты должен ему сказать...

– Не должен, – Дэм поднял руку, останавливая попытавшегося возразить Сандро. – Теперь я – Главный Тюремщик. И, значит, речь идет о моей жизни.

Эффект неожиданности действовал на библиотекаря всего десять секунд. Ровно столько продлилась благословенная

тишина, нарушенная его забористым нецензурным выражением. Несмотря ни на что, Сандро оставался истинным сыном Пасмурной зоны.

– Дэмьен, чем быстрее ты избавишься от подобной лексики, тем проще тебе будет найти общий язык в кабинете министров, – донесся от двери недовольный голос дядюшки.

Бертран вошел в комнату без стука и с изумлением уставился на непрошеного гостя, нагло развалившегося на кровати племянника. Но прежде чем прозвучали возмущенные вопросы, младший Тюремщик, вдохновленный неожиданной идеей, торжественно объявил:

– Позволь тебе представить, дядя, библиотекаря Сандро Капри. Моего будущего референта.

В этот раз изумленная пауза продлилась не меньше минуты, на которую и Бертран, и маячивший за ним доктор Родригес, и даже сам «будущий референт» лишились дара речи.

После получаса споров, возмущений, приказов и вынужденной капитуляции рассерженный премьер-министр покинул комнату со словами, весьма нелестно характеризующими умственные способности племянника. И наверняка в качестве мести пообещал ровно через час прислать секретаря с текущими делами министерства сельского хозяйства. Однако же как истинный хайсит дверью не хлопнул и даже приказал подать обед на троих прямо в спальню. А еще распорядился «приготовить комнату для этого сопливого референта-недоучки напротив спальни министра, чтобы оба вкалы-

вали круглосуточно на благо сельского хозяйства Города».

Обретя таким неожиданным образом референта, Дэмьен не знал, смеяться ему или плакать. Но пока доктор Родригес осматривал недолеченную ногу библиотекаря, он пришел к выводу, что все случившееся к лучшему. Особенно в свете доставленных парнем вестей. Уж если придется противостоять секте Триединого, решившей принести его в жертву непонятно ради чего, то неплохо бы окружить себя людьми, которым он доверяет. И пусть знакомы они с Сандро всего несколько дней, его кандидатура более чем подходящая. Дэмьен не тешил себя иллюзиями о том, что приключения в Кольце сделали их друзьями. Он и доктора-то другом назвать не мог. Но внутреннее чутье, которому адреналиновый наркоман без колебаний доверял свою жизнь, решаясь на смертельно опасные выходы, подсказывало, что эти двое будут ему весьма полезны.

Доказательства полезности Сандро не заставили себя ждать. Заваленный выше головы министерскими бумагами, он денно и нощно вгрызался в гранит бюрократического крючкотворства. А потом выдал «рекомендации по оптимизации аппарата министерства сельского хозяйства и внедрению сбалансированной схемы поэтапного принятия эффективных управленческих решений во время проведения основных сельскохозяйственных работ, а также в течение всего вегетационного периода в северном полушарии».

После ознакомления с девяностостраничным докумен-

том, аккуратно отпечатанным на старинном «Ундервуде», Бертран Тюремщик долго сидел у окна своего кабинета, задумчиво созерцая свечение Кольца на фоне темнеющего неба. Потом небрежно кивнул Дэмьену и обреченно махнул рукой:

– Он – твой референт.

Еще две недели прошли в подготовке новоиспеченного министра сельского хозяйства к первому визиту во вверенное ему консулом министерство. Дэмьен едва успевал завтракать и отказывался от ужина, валясь с ног от усталости, а слово «обед» постепенно исчезало из его лексикона. Он даже представить себе не мог, что от бумажной работы возможно так уставать. Сандро вел себя с ним как тиран, заставляя заучивать, ориентироваться и, главное, понимать, о чем идет речь в нуднейших отчетах и бесконечных цифрах. Так что даже бывшему «золотому мальчику», а впоследствии государственному изменнику стало понятно: дела в сельском хозяйстве идут сект знает как.

Единственным ярким пятном в его беспросветной министерской жизни оставалась тетя Марта, которую Сандро иррационально побаивался. Парень мог с вызовом смотреть в глаза Бертрану Тюремщику, отстаивая свое очередное нововведение, грозившее перевернуть с ног на голову устоявшийся порядок в министерстве, но при виде его жены буквально растворялся в воздухе. И тогда тетя Марта с улыбкой увлекала Дэмьена в столовую, где они пили травяной чай

вперемешку с застольной беседой. Дэм только диву давался, сколько всего успел рассказать ей о своих странствиях. Кроме, разумеется, самого главного.

А вот с Бертраном отношения холодели на глазах. Дэм мог винить себя за предвзятость, ведь после сообщения Сандро о коварных планах жрецов Триединого по отношению к его персоне он старался как можно реже пересекаться с дядей. Однако и сам Бертран Тюремщик, казалось, начал избегать своего вновь обретенного племянника.

Но в один из наименее загруженных вечеров, улизнув от Сандро при помощи тетушки, Дэмьен отыскал премьер-министра на открытой всем звездам террасе особняка и напрямую спросил:

– Ты говорил, что когда-нибудь мне предстоит стать жрецом Триединого, дядя. Не пора ли просветить меня насчет твоей религии? Я ведь почти ничего не знаю о ней. За пределами Города, в коммунах Триединого мало кто поминает.

– Да в общем-то и рассказывать особенно нечего, – Бертран задумчиво посмотрел на племянника, и что-то в этом взгляде напомнило Дэмьену... неотвратимо накатывающий паровоз. Так дядя на него еще не смотрел. Или виной всему разыгравшееся воображение и усталость?

– Это не религия, – продолжал Бертран. – Скорее – культ. Или... Не знаю. Изначально это был орден, созданный, чтобы помогать Тюремщикам, оберегать их и следить за тем, чтобы заключенный получил свое наказание сполна. Тако-

во было завешание Первого консула. Орден тогда назывался просто Следящим, и ни о какой мистической составляющей речи не шло. Но спустя три десятилетия у одного из Тюремщиков во время передачи заключенного было видение. О некоем... существе, состоящем из трех, которое отвечает за судьбу нашего мира. Как выглядит оно и чем вообще занимается, видение не уточняло. Но в одном наш предок был уверен: это существо однажды спасло Землю. И должно спасти ее вновь. А помогать ему в этом призван орден Следящих.

Слухи о видении распространились быстро. И через какое-то время среди низших посвященных возник культ Триединого. Вероятно, сказалось желание доказать окружающим собственную значимость. Как бы там ни было, но за прошедшие сто лет культ оброс ритуалами, историей, подвигами...

– Что, и подвиги были? – удивился Дэмьен.

– Были, – кивнул Бертран. – Мало кому известно, но на Главных Тюремщиков иногда совершаются покушения. Кто-то считает, что заключенного нужно просто уничтожить, кто-то недоволен политикой премьеров, кого-то не устраивает наше влияние на консула. Причин много, и покушения случаются. А жрецы Триединого предотвращают их. Иногда ценой собственной жизни.

– А я? – растерялся Дэмьен. – Меня тоже будут защищать?

– Уже защищают. Думаешь, почему отряд Тайной поли-

ции так вовремя оказался на месте, чтобы арестовать тебя и тем самым избавить от неприятностей? Просто один жрец сообщил другому, а тот – третьему...

– И подмога прибыла, – недоверчиво хмыкнул Дэмьен и вдруг вспомнил, что Эрнандо латал его не один. Так вот как все было... Санитар Ганс, жрец Триединого, переслал его фотографии дяде (и откуда только у него фотоаппарат?), а тот приказал полковнику Свену доставить блудного племянника домой.

– Все верно, – Бертран лениво кивнул. – Разумеется, никто не гарантирует Тюремщикам полной безопасности, но в случае чего нам есть на кого положиться.

После этого разговора Дэмьен созвал расширенный «военный совет», в который, кроме него с Сандро, входил теперь и доктор Родригес. Дэм кратко пересказал свой разговор с дядей, после чего все трое долго обсуждали, чего именно Главному Тюремщику ожидать от приверженцев Триединого: спасения или гибели. Но просидев ночь за спорами и терпким вином из Четырнадцатой коммуны, все трое сошлись на том, что Дэмьену придется держать ухо востро, а Сандро – раздобыть все возможные сведения о культе Триединого. Доктору Родригесу же отводилась роль... доктора.

Попавший в жернова бюрократической машины Дэмьен был так загружен, что почти не обращал внимания на беспрерывный вой в голове. Казалось даже, что он свыкся с этим жутковатым фоном, что все наладится, и он сможет нормаль-

но с этим жить. Ну, почти нормально. Однако случилось так, что пять дней назад Дэм не смог заснуть. Совсем. Вместо того, чтобы вырубиться после утомительного бумажного дня, едва коснувшись головой подушки, он глаз не сомкнул, вслушиваясь в хриплые завывания узника.

Когда на следующую ночь все повторилось, Дэмьен испугался за свой рассудок всерьез. А после третьей бессонной ночи отправился напрямик к Эрнандо и ввел его в курс дела, опустив, правда, некие подробности, знать о которых врачу было совсем необязательно. Удивленный и польщенный Эрнандо (мало кому Тюремщики доверяли родовую тайну) подошел к делу со всем тщанием и сразу начал пичкать своего пациента снотворным и успокоительным.

Лечение шло с переменным успехом. Доктор Родригес упорно пытался подобрать действенные препараты и дозировки, иногда даже добиваясь своего. Но к концу изнурительной недели пациенту стало кристально ясно, что долго ему не протянуть. Когда же Дэмьен потерял сознание за завтраком, упав на пол вместе со стулом и до дрожи перепугав тетю Марту, в дело вмешался Бертран. Выслушав сбивчивые объяснения племянника, он долго молчал, а потом так же долго ругался, поразив даже Дэма некоторыми забористыми словосочетаниями.

– Какого секта ты молчал все это время?! – дядюшка размашисто мерил шагами комнату племянника, исподволь наблюдая, как доктор Родригес вливает в Дэма очередной на-

стой. – Ты знаешь, какой завтра у тебя трудный день? Утром – первый визит в министерство, а вечером мы должны идти в оперу...

– В оперу? – Дэмьен даже подавился не до конца проглоченной настойкой. – Дядя, я рассчитывал протянуть дней десять, а ты решил меня уморить уже завтра? Министерство я еще как-нибудь переживу, но, знаешь, давай обойдемся без оперы.

– Без оперы... – Бертран остановился на половине шага и, устремив взгляд в одному ему ведомые дали, задумчиво протянул: – Без оперы...

Дэмьен уже заподозрил неладное, когда Бертран стряхнул оцепенение и провозгласил:

– Мы пойдем в оперу, даже если тебя придется нести на руках. У меня появилась одна идея насчет твоего состояния, и я собираюсь ее обязательно проверить.

– В опере? – Дэмьен совсем ничего не понимал. – Ты считаешь, что я усну во время действия, как делает большинство зрителей? Не думаю...

– И не надо, – грозно оборвал Бертран Тюремщик, – ты уже додумался до обмороков. Сегодня приказываю тебе лежать и пытаться уснуть. Завтра министр должен выглядеть, как статуя Первого консула в день открытия. Ты понял, Родригес? Если он не заснет сегодня ночью – ответишь не только головой, но и другими частями тела.

После ухода Бертрана Эрнандо еще долго смотрел на

дверь, захлопнувшуюся за премьером, а потом как бы невзначай уточнил:

– Думаешь, он серьезно? Про мою голову и другие части тела?

– Не трясись, Эр, – Дэмьен поудобнее устроился на кровати. – Просто дай мне грассы, и я усну, как младенец. Я ведь тебе уже говорил...

– А я тебе уже говорил, что грасса не выход! – вскипел Эрнандо.

– Ну, на одну ночь, – хитро улыбнулся Дэм. – Чтобы голова и другие части при тебе остались.

– Да я скорее руку себе отрежу! Я – твой врач, а не твой наркодилер.

Сколько Дэмьен ни уламывал Эрнандо, тот стоял насмерть. И никакие доказательства относительной безвредности наркотика для организма Дэма в расчет не принимались. Вечером, высыпав перед пациентом пригоршню новых порошков, доктор Родригес проследил, чтобы все они употребились по назначению, пожелал Главному Тюремщику спокойного сна и удалился.

А для Дэма началась его долгая, мучительная ночь. Как он и предполагал, лекарства не подействовали. Тихий, но изматывающий до отключки вой не прекращался. Если бы Дэмьен мог, то просто зашел бы в Комнату и без всякой жалости придушил заключенного. Но он знал, что стоит двери лишь чуть-чуть приоткрыться, как это волосатое чудовище

проникнет в сознание Тюремщика и уничтожит его.

Промучившись еще с час, Дэмьен сдался. Он тоже предпочел бы иной выход, но... Грасса поможет ему, по крайней мере на какое-то время. И дело не только в важности завтрашнего дня – просто даже его выносливости наступил предел. Или он сегодня будет спать, или завтра действительно свихнется.

Стараясь не шуметь, Дэм выскользнул из спальни и сумрачными коридорами направился к своему будущему спасителю. Комната Марка располагалась в соседнем крыле, и уже совсем скоро пошатывающийся от усталости Дэмьен стучался в нужную дверь.

Марк открыл сразу. Сосредоточенное лицо и застегнутый на все пуговицы халат подсказывали, что он еще не ложился, как, впрочем, и ожидалось. А вот присутствие в комнате младшего кузена Оливера стало для позднего гостя не слишком приятным сюрпризом.

– Проходи, – Марк приглашающе развел руками и отступил, пропуская Дэма внутрь. – Оливеру все равно пора в постель.

На этих словах Марк выразительно посмотрел на брата, сидящего в полосатой пижаме перед небольшим монитором, на экране которого один робот методично вбивал другого в полуразрушенную стену. Нехотя отложив в сторону игровую приставку, подросток поднялся и, демонстративно проигнорировав Дэмьена, с гордо вздернутым подбородком покинул

комнату.

Марк выглянул в коридор и, убедившись, что брат вернулся к себе, запер дверь на засов.

– Садись, Дэмьен, – он хлопнул рукой по спинке кресла, а сам без церемоний завалился на кровать. – Нечасто ты достаиваешь меня своим вниманием. С чем пожаловал?

– Не «с чем», а «за чем», – Дэм со вздохом опустился в кресло. – Я и вправду веду себя, как сект. Сначала избегаю, а потом вваливаюсь посреди ночи, потому что мне от тебя что-то нужно.

– Грасса, – блеснул пронизательностью Марк.

Дэмьен кивнул и вспомнил, как в детстве завидовал кузену, которому учеба давалась с поразительной легкостью. Как дразнил «ботаном» – странным словом, почерпнутым из бесконечных просмотров семейной видеотеки. И как потом испугался, увидев, что Марк выворачивается наизнанку от передоза на грязном полу мужского туалета в безымянном баре Пасмурной зоны.

В тот вечер Дэмьен отдал свои фамильные часы, чтобы драйвер загнал лошадей, но как можно быстрее доставил их в больницу ближайшего Сектора. Семейный доктор сказал потом, что этим он спас Марку жизнь. Знал ли кузен об этом? Помнил ли? Наверное, помнил. Потому что без лишних слов отодвинул напольные часы и, поковырявшись с обратной стороны, вытащил маленький пакетик с несколькими зеленоватыми шариками.

– Возьми, – он протянул пакетик, предварительно выка-
тив себе на узкую ладонь один шарик. – Если хочешь, можем
вместе. Пообщаемся хоть так, если по-другому не получает-
ся. Угощайся, брат.

Немного поколебавшись, Дэмьен решил, что общение с
Марком ему не повредит и выспаться он еще успеет. Если,
конечно, грасса выполнит возложенную задачу. Вынув ша-
рик из пакетика, он немного покрутил его перед глазами и
отправил в рот одновременно с Марком. Обработанная грас-
са действовала куда медленней натуральной пыльцы, и зна-
чит, немного времени на светскую беседу у них еще оста-
лось.

– Почему у тебя Оливер по ночам играет? У него что, мо-
нитор сломался? – спросил Дэм, со вздохом откидываясь на
спинку кресла и прислушиваясь ощущениям. Пальцы начи-
нало слабо пощипывать, но в главном ничего не изменилось
– вой в голове словно застрял на одной отвратительной ноте.

– Не сломался, – Марк уже начинал немного растягивать
слова. – Отец отобрал. С сегодняшнего дня Оливер наказан.

– За что? – с легким интересом переспросил Дэм.

– За тебя, – в ответ на удивленно приподнятые брови Дэ-
ма Марк виновато пояснил: – Когда ты сегодня за завтраком
упал в обморок, Оливер... засмеялся.

– Понятно...

– Он еще ребенок, Дэм. Он не понимает...

Дэмьен протестующе вскинул руку.

– Он все прекрасно понимает, Марк. Особенно то, что явился какой-то наглый тип и отнял то, что принадлежит ему по праву. Можешь не сомневаться, я его не виню. Кстати, а почему ты ему разрешил играть у себя? Не согласен с отцовским наказанием? Ты вроде бы всегда соглашался с его решениями... за одним исключением.

– Прости, Дэм, – Марк тяжело вздохнул, – я, конечно, согласен с тем, что брат свое наказание заслужил, однако... Отец упрямо не замечает, но Оливер уже начал ощущать свою Пустоту. А ты знаешь, что это значит. Он сейчас должен выбрать, чем будет ее заполнять. И есть шанс, что все обойдется именно такими играми. Хороший шанс. По крайней мере, на несколько ближайших лет. А это совсем немало. Что будет с ним дальше...

– А дальше он получит заключенного, и все будет в порядке, – улыбнулся Дэм и ловко закинул в рот второй шарик грассы.

Он уже понял, что одной дозой ему не обойтись.

– Ты собираешься передать его Оливеру? – вскинулся Марк. – Но ведь ты еще молод. У тебя будут свои сыновья...

– Даже если и будут, заключенного им не видать. Я – побочная ветвь и должен передать заключенного законному наследнику. А раз должен, значит, сделаю. Даю слово.

– Слово... Можно подумать, мы хозяева своему слову. Можно подумать, что все зависит от нас, – Марк снова откинулся на подушки. – Слово, братец, это такая эфемерная

вещь. Такая изменчивая, текучая. Как кресло, на котором ты сидишь. Кстати, а как ты на нем сидишь, если оно течет?

Дэмьену не нужно было всматриваться в расширившиеся зрачки кузена, чтобы понять – его уже накрыло. Марк что-то пробормотал и уставился в потолок стеклянным взглядом. Теперь оставалось ждать, сможет ли грасса подарить самому Дэму несколько волшебных часов забытья. Он постарался расслабиться и поудобнее устроиться в не слишком мягком кресле: вставать и идти означало спугнуть тонкую, зыбкую тишину, наконец наступившую в его многострадальной голове. Дэмьен блаженно прикрыл глаза... И тут же открыл. Но вместо трепетного света ночника в комнате Марка всюю хозяйничали солнечные лучи, гоняя пылинки из угла в угол.

«И это называется выспаться?» – вздохнул про себя Дэмьен и, стараясь не разбудить разметавшегося на кровати кузена, поднялся с кресла, мысленно покрикивая на занемевшее от неудобной позы тело. Он выскользнул в коридор, надеясь вернуться к себе в комнату незамеченным, но по закону Мерфи наткнулся на доктора Родригеса, прямо у своих дверей.

На вялый приветственный кивок Дэма доктор только рукой махнул и, не говоря ни слова, удалился в направлении столовой. А вот Дэмьену есть совсем не хотелось, но в удовольствии поплескаться в большой медной ванне он отказать себе не мог. Лишенный этого простого действия во время своих скитаний, Дэм каждый раз, погружаясь в теплую воду, ис-

пытывал почти забытый детский восторг. Расслабившись, он с удовлетворением ощутил, как избавляется от последствий проведенной в кресле ночи. Тело больше не ломило в самых неожиданных местах, исподволь накатывала приятная истома, а главное, и в мире, и в сознании тонко звенела благословенная тишина! Пока не была нарушена громким:

– Шер! Какого секта ты тут валяешься!

В моменты особого волнения Сандро продолжал называть бывшего добытчика его пасмурным прозвищем.

– Через час мы должны быть в министерстве! – воодушевленный приближающимся визитом референт разве что ногами от нетерпения не перебирал. – Камердинер ждет тебя уже полчаса!

Дэмыен со вздохом вылез из ванной, поймав одной рукой брошенное библиотекарем полотенце. Он действительно позабыл о времени, и теперь придется поднажать. Но нажимать стали на него. Камердинер, встретивший Дэмыена неодобрительно поджатыми губами, был непреклонен и вместо присмотренного Дэмом пиджака принес ему темно-серую визитку с такими же темными полосатыми брюками. А также полагающуюся белую сорочку, черный галстук и черные же остроносые туфли – очевидно, последний писк моды.

Переступив порог трехэтажного министерства сельского хозяйства, каменные колонны которого обвивались бронзовыми колосьями, одетый с иголки новый министр тихо, но очень цветисто выругался. И дело было отнюдь не в эпата-

же. Дэмьен никого не хотел шокировать, в том числе выскочившего навстречу немолодого секретаря, но сдержаться не мог. Преисполненный важностью момента Сандро неодобрительно покачал головой, а потом увидел, как едва заметно поморщился Главный Тюремщик. Это могло означать лишь одно – убаюканные грассой проблемы вернулись. И библиотекарю оставалось только всеми доступными и недоступными способами сократить этот визит.

Когда тихий вой снова наполнил его многострадальную голову, Дэмьен постарался взять себя в руки, чтобы ничем не выдать своего расклеивающегося состояния. Он вежливо улыбался, кивал в нужных местах, задавал сотрудникам давно заготовленные вопросы. В другое время ему было бы по-настоящему интересно бродить по здешним коридорам и кабинетам, где, в отличие от других министерств, конторские столы терялись в буйной экспериментальной растительности. Но сейчас...

Однако он честно выдержал три с половиной часа министерской пытки, прежде чем верному референту удалось отбить его от чиновников, желающих лично выказать новому министру свое почтение. Только сидя в экипаже, Дэмьен позволил себе со стоном откинуться на мягкую спинку и потереть зудящие виски. А впереди его ждала ОПЕРА.

– Дядя, ты серьезно? Парик? – Дэмьен с усилием подавил истерический смешок.

Он успел сменить деловую визитку на вечерний фрак, но принесенный камердинером надушенный парик неопределенного цвета не лез ни в какие ворота.

– Это твой первый выход в свет как главы дома Тюремщиков, и поэтому твой внешний вид должен соответствовать... Опера не притон, не коммуна и не Легион. Прости, мальчик мой, но без парика...

– Нет, ты прости, дядя, только я это сектово гнездо надевать не стану, – воспротивился Дэмьен.

Однако Бертран был непреклонен, и после долгих препирательств и веских аргументов племяннику все же пришлось уступить.

Бросив перед выходом внимательный взгляд на свое отражение в зеркале, Дэмьен вздохнул. Беспристрастное стекло отразило помолодевшего и похорошевшего, но абсолютно незнакомого мужчину. Этот незнакомец не был Дэмьеном Тюремщиком. Но мог бы им стать, случись все иначе. Наверное, дядя сам подбирал парик – он сидел идеально. И цвет волос... Дэм очень смутно помнил, какие у него были волосы. Возможно, именно такие – темно-русые, почти каштановые. Когда же Бертран подошел и начал поправлять бабоч-

ку сперва себе, а потом растерянному племяннику, Дэмьен вдруг заметил, до чего они похожи. По какой-то прихоти ген-нов он гораздо больше походил на дядю, чем его родные сыновья, на что ему не преминул указать Марк, с небольшим опозданием появившийся в холле.

В оперу тем не менее они прибыли вовремя, хотя Дэмьен предпочел бы задержаться часа на два или три. Или вообще не поехать. Потому что, поднимаясь по широкой мраморной лестнице, он не просто испытал дежавю, он его поймал.

Вылетевший из резных дверей Первого театра подозрительно знакомый мальчишка, на ходу срывая миниатюрный фрак и оглядываясь на замешкавшуюся в дверях погоню, с разбега впечатался в Дэмьена.

– Так вот ты какая, моя карма, – усмехнулся тот и порадовался, что успел подставить руки, иначе удар головы юного беглеца пришелся бы ему аккурат ниже пояса.

– Отпусти! – предсказуемо потребовал мальчишка, но грозить мамой не стал.

Напротив, заслышав приближающийся шелест платья, попытался спрятаться за Дэмьена.

– О, благодарю вас, хайсит! Я прошу простить моего сына за столь неподобающее поведение. В отсутствие отца он совершенно отбился от рук. Еще раз примите мою благодарность, хайсит...

Дэм вздрогнул, услышав этот голос, и, понимая, что исправить уже ничего нельзя, обреченно выпрямился.

Перед ним стояла Елена Арпад в алом шелковом платье, разбурьянившаяся от погони и досады, с выбившимся из высокой прически золотистым локоном. В ее темно-серых, как у отца, глазах плескалось раздражение пополам с любопытством. Дэмьен мог только зачарованно наблюдать, как их сменили сначала узнавание, затем удивление, радость... А потом глаза молодой женщины потухли, будто кто-то безжалостной рукой вырубил электричество.

– Рада вас видеть после столь долгого отсутствия, хайсит Главный Тюремщик, – Елена изящно протянула ему руку.

– Взаимно, хайситта Арпад.

Дэмьен склонился и поднес руку к губам, стараясь нечаянно не коснуться нежной кожи. Ему достаточно было ощущать трепет ее пальцев и собственную дрожь, прокатившуюся по позвоночнику. Даже вой узника на время смолк или же Дэмьен его просто перестал воспринимать. Идеальная женщина. Была, есть и будет. И ничто не в силах этого изменить.

Время замедлилось, будто в его Комнате. Стоящие рядом Бертран и Марк, казалось, застыли без движения, даже пятилетний сорванец угомонился и задумчиво присел на ступеньку.

– Привет, сестренка! – громкий, слишком реальный голос наследного консула Юлиана спугнул наваждение. – С кем это ты любезничаешь, пока муж на миссии?

– Здравствуй, Юлиан, – Дэм осторожно выпустил руку Елены и повернулся к бывшему лучшему другу. – Давно не

виделись.

Они не виделись действительно очень давно и потому с жадностью разглядывали друг друга в повисшем вокруг неловком молчании. Даже на Елену Тюремщик не смотрел так пристально, связанный собственным словом и просто инстинктом самосохранения. Но уж разглядывать Юлиана ему не запрещает никто.

Дэмыен отметил, что будущий консул не обогнал его в росте, зато шириной плеч мог поспорить с профессиональными борцами. Сразу видно, на кровати под балдахином (дался Дэму этот балдахин! Прямо пунктик какой-то) Юлиан не валялся. Семейные светлые волосы, прищуренные голубые глаза и небольшая аккуратная бородка, очевидно, для солидности. Но вот выражение лица, с которым сам Юлиан рассматривал вернувшегося из небытия друга, точно расшифровать почему-то не удавалось. Самое близкое – смесь недоверия и... опасения. Впрочем, вскоре на лице Юлиана расцвела радушная улыбка.

– Дэмыен! Сект побери, не ожидал тебя здесь встретить! Не думал, что ты большой поклонник оперы. Тем более современной.

На этом неловкая тишина закончилась. Марк, Бертран, Елена, Юлиан и даже Дэм разразились пустыми светскими фразами и вместе прошествовали в правительственный сектор театра. К удивлению присутствующих, маленький Дэмыен решительно вырвался из материнских рук и пошел

рядом со своим взрослым тезкой. А после и вовсе потянул его за полы фрака, чтобы тихо сказать наклонившемуся Тюремщику:

– Я знаю, что ты на самом деле лысый. Но не скажу никому. Даже папе.

Проходя по коридорам и лестницам Первого театра, Дэмьен поражался буйству красок и фасонов, от которого совершенно отвык. И если мужская половина предпочитала в одежде сдержанные тона, то прекрасный пол своей пестротой, казалось, вот-вот вызовет приступ головокружения. Но больше всего Дэмьена раздражали взгляды, адресованные его персоне. Пристальные, оценивающие, расчетливые – мужские; и такие же пристальные, оценивающие, расчетливые, да к тому же любопытные, влекущие, томные – женские.

Безусловно, при его темном прошлом, светлом настоящем и блистательном будущем иначе и быть не могло. Он притягивал к себе внимание так же закономерно, как хвостатая комета, внезапно появившаяся на ночном небе. Явление великолепное, но потенциально опасное. И несколько настороженных взглядов, брошенных в сторону Главного Тюремщика, это подтверждали. Впрочем, Дэмьену не было никакого дела до чужих взглядов. Он был занят тем, что старательно отводил свой от шествующей чуть впереди стройной фигуры в алом. Старался не смотреть, но каждый раз терпел неудачу. В попытке переключиться Дэм сосредоточился на изменениях, которые произошли в театре с его последнего посе-

щения.

Если прежде правительственной именовалась только ложа в середине третьего яруса, то сейчас весь центральный пятиярусный сектор оказался закрытой, хорошо охраняемой зоной. Сказывалась параноидальность нынешнего правителя. Уже на первых ступенях широкой мраморной лестницы навтыяжку стояли два карабинера Тайной полиции. А на третьем ярусе сектора, где и ныне располагалась правительственная ложа, Дэмьен насчитал не менее десятка человек из личной охраны консула. Их форма еще в юности стала для него источником едва сдерживаемого веселья. Вот и сейчас Дэм с трудом удержался от улыбки при взгляде на лимонно-желтые френчи и малиновые галифе с синим кантом. Это могло бы оказаться действительно смешным, вот только подкладка у френчей была кевларовая, а на портупелях в деревянных кобурах дожидались возможности громко заявить о себе десятизарядные маузеры. Про висящие с другой стороны короткие тяжелые мечи и говорить нечего.

Проследовав в ложу и опустившись в кресло между дядей и Марком, Дэмьен уперся взглядом в тяжелый багровый занавес и устало потер виски. Заметив его движение, Марк наклонился и прошептал:

– У меня есть с собой. Будешь?

С трудом догадавшись, о чем речь, Дэм отрицательно покачал головой. Кузен пожал плечами и быстрым движением сунул за щеку шарик грассы. Дэмьен же лишь немного поер-

зал в тяжелом резном кресле и сосредоточился на свежотпечатанной программке. Было похоже, что в театре дожидались только их прибытия. Едва Юлиан с Еленой и маленьким Дэмьеном заняли места в центре ложи, дали третий звонок, и под грянувшую литаврами увертюру занавес медленно поплыл вверх.

Опера называлась пафосно – «Освобождение». Она была призвана напомнить гражданам Города о самой величественной и трагической странице в истории человечества – изгнании сектов с Земли. И написана к приближающемуся шестидесятипятилетию этого важнейшего события. Вначале Дэмьен пытался уследить за хитросплетениями сюжета, но вскоре запутался в огромном количестве героев Сопротивления, выходивших на сцену, казалось, лишь для того, чтобы красиво пропеть несколько строк и так же красиво погибнуть. Все это было так по-современному скучно и бездарно, что даже завывания узника показались Дэму куда более музыкальными, чем некоторые исполненные арии.

Дэмьен уже несколько раз посматривал на карманные часы, считая минуты до окончания первого акта, когда на сцене появилась девушка-сект. До этого момента секты лишь мелькали изломанными тенями на подсвеченных белых кулисах, изображая некое абстрактное зло. Но, видимо, драматурги решили не превращать пришельцев в зло абсолютное и вывели персонаж, сочувствующий делу земного Сопротивления. Костюм молодой актрисы (Дэмьен, несмотря на за-

крывающую лицо маску, понял, что она молода) очень достоверно передавал черты захватившего Землю вида. Четыре тонкие руки, до половины прикрытые тканью длинного серебристого одеяния, зеленовато-голубая плотная кожа, фасеточные глаза на пол-лица, безгубый рот. Но, не успев поработиться мастерству гримеров, Дэм был окончательно сражен мастерством певицы. Она пела... как сект. Наверняка постановщикам пришлось не одну неделю, а то и месяц просидеть в спецхране, разбирая чудом сохранившиеся записи с головами пришельцев. Дэм слышал несколько подобных записей, но такой мелодичной не встречал. Ее нельзя было сравнить ни с одной известной земной музыкой. До дрожи чуждая эта песня напоминала и колыбельную, и детский плач, и свист ветра.

Голоса сектов были настолько высоки, что некоторые звуки оказывались за пределами человеческого восприятия и напоминали, скорее, писк. Как удавалось певице исполнять такую сложную партию, оставалось загадкой. Но она не пищала, а именно пела. Очень нежно и очень грустно, и от ее невозможного голоса на душе разливалось теплым молоком спокойствие и умиротворение. И тишина.

Дэмьен очнулся, когда в зале грянули аплодисменты, а занавес медленно пополз вниз. Конец первого акта. Чтобы там ни замышлял насчет него дядюшка, но Дэм на самом деле уснул в опере. Невероятно.

– Ну как? – не преминул спросить довольный донельзя

Бертран. – Как тебе сект-девица?

– Если забыть, что секты вообще-то однополые... – про-
бормотал Дэмьен.

– Не бойся, мальчик мой, если с нее снять маску, грим и
вообще одежду, она очень даже тебе подойдет.

– Подожди, дядя, я не понимаю, о чем ты.

– Я подумал, что избавить тебя от воя поможет наша осо-
бенность. Если найти тебе подходящую женщину... Тебе ли
не знать, как это влияет на нашу Пустоту. А в твоем случае
– на Комнату. Мы уже все испробовали, осталось только это.
Точнее, эта. Она актриса, ее сценическое имя – Пасмурная
Кэри. Настоящую фамилию я позабыл, но главное, что она
– подходящая.

– Откуда?... – Дэмьен все еще пребывал в растерянности.

– Видишь ли, мальчик мой, когда я передал тебе заклю-
ченного, то сразу стал подыскивать подходящую женщину
для себя. Ведь моя Пустота снова вернулась. Искал и нашел.
Случайно. Но это не важно. Важно, что она подходит мне, а
значит, подойдет и тебе. Поэтому ты прямо сейчас пойдешь
в комнату релаксации, а она к тебе присоединится, как толь-
ко разгримируется. Все уже договорено. Если она тебе по-
может...

– Подожди, дядя, – у Дэмьена голова пошла кругом. – Да-
же если теоретически она мне подходит... Так нельзя. А как
же ты сам?

– Насчет меня не волнуйся, у меня есть еще немного вре-

мени. Сейчас для тебя это вопрос жизни и смерти. Вернее, безумия. Будем надеяться, что мое предположение окажется верным, и ты сможешь навсегда забыть о завываниях в своей голове.

– Спасибо, конечно, дядюшка, но...

Дэмыен попытался облечь в слова свой протест, когда Марк позади него захрипел и начал заваливаться на бок. Дэм, успевший подхватить кузена в последнюю секунду, несмотря на неяркое освещение, сумел разглядеть расширившиеся на всю радужку зрачки.

– Передозировка, – выпалил он обеспокоенно склонившемуся Бертрану. – Вызывай врача.

Пока дядя по установленному в фойе специальному телефону вызывал неотложную бригаду, Дэмыен опустил Марка на ковер, повернул на бок и внимательно прислушался к хриплому дыханию кузена. Немного понаблюдав, он решил, что все не так страшно, и в искусственном дыхании нет необходимости. Однако беспокойство за двоюродного брата сменило чувство вины. Если бы Дэмыен не пришел к Марку ночью, если бы...

– Бедный Марк, – послышался шорох платья, и Елена без колебаний опустилась на ковер рядом с Дэмыеном. – Это становится все хуже и хуже. Бертран в последнее время сам не свой.

Свежий аромат ее духов поплыл в воздухе, заставляя сердце сбиваться с ритма. И Дэмыен никогда еще не был так

рад вошедшим в ложу врачам, как в эту самую минуту. Быстро поднявшись, он уступил Марка профессионалам, а сам поспешно выскочил в фойе, где натолкнулся на хмурого Бертрана.

– Мы повезем Марка в больницу или домой? – спросил он дядю, наблюдая, как врачи уносят кузена на носилках.

– Я повезу его домой, а ты останешься здесь, – с нажимом произнес Бертран. – Можешь считать это устным распоряжением премьера. Мне нужен адекватный министр сельского хозяйства и Главный Тюремщик. Неужели ты полагаешь, что удержишь заключенного, будучи невменяемым? Нет? Правильно. Так вот, видишь эту винтовую лесенку? Поднимайся на пятый ярус. Вот ключ от комнаты, а девушка скоро придет. Ее уже убили в первом акте, так что времени у вас будет сколько угодно. О результатах доложишь лично. Вам все ясно, хайсит Главный Тюремщик?

– Ясно, хайсит Первый министр, – Дэмьен четким движением склонил голову, но не мог удержаться и добавил: – Надеюсь, мне не придется составлять подробный отчет?

Бертран фыркнул и, отмахнувшись, направился по длинному коридору вслед за носилками. А Дэмьен еще немного постоял в фойе под бдительными взглядами охраны, потом стряхнул оцепенение и, сжав ключ, двинулся к притаившейся в дальнем конце фойе винтовой лестнице.

Глава V

Кэри Палмер, больше известная как Пасмурная Кэри, медленно поднималась по винтовой лестнице, считая про себя каждую ступень. Двадцать пять, и она уже на ярус ближе к небу. Скоро окажется там. Совсем скоро. Ноги послушно совершали привычные движения вместо того, чтобы бежать куда глаза глядят. Но у ног нет глаз, и потому они беспрекословно выполняли приказы головы, которой, судя по всему, не терпелось расстаться с телом.

Весь Город знал, что обманывать Тюремщиков никогда и никому не удавалось безнаказанно. И она не хотела, честное слово, не хотела обманывать, но деньги! Такие огромные деньги! От них невозможно было отказаться. Кэри думала, надеялась, что все получится, что она сможет честно выполнить условия контракта. Но нет. Не сможет. И вернуть деньги тоже не выйдет: они были потрачены уже на следующий день после того, как могущественный премьер-министр заключил с ней этот невозможный договор. А значит...

К ней в гримерку сегодня заходили почти все актеры и актрисы, занятые в спектакле. Кэри только отстраненно удивлялась: откуда об этом стало известно? Радостно хлопали ее по плечу или, поджав губы, цедили слова поздравления. «Ну как же! Сам премьер выбрал тебя в законные сожительницы! Ах, не для себя? Передал своему племяннику? Так ведь это

он теперь Главный Тюремщик! А скоро сменит дядю на государственном посту и тоже станет Первым министром. Как же тебе повезло, дорогая! Как же тебе повезло!»

Кэри остановилась перед дверью релакс-комнаты. Почему она не бросилась в бега? Почему идет с повинной головой к человеку, для которого ее купили? Потому что даже в самом глухом углу самой дальней коммуны невозможно укрыться от гнева Первого министра. И если она попытается, то пострадает вся ее семья. Не слишком любимая, но все равно – родная. Нет, она сама ответит за обман. И пусть только ее жизнь пойдет в уплату долга.

Кэри негнушимися пальцами кое-как повернула ручку и вошла. Она никогда не бывала здесь раньше. Актрисы шепотом рассказывали о невероятной роскоши «волшебной комнаты». «Совсем как декорация княжеского дворца из третьего акта «Запретной любви!» Но Кэри не видела ничего, потому что не могла отвести взгляд от мужчины, свободно откинувшегося на обтянутую красной кожей спинку дивана. Он уже избавился от фрака, а белоснежная сорочка оказалась почти полностью расстегнута. Кэри старалась не смотреть на открывшийся треугольник гладкой безволосой груди, на ловкие пальцы, крутившие бокал с вином, разумеется, дорогим и, наверное, вкусным, на длинные ноги, закинутые на стоящий рядом маленький столик. Но отвести взгляд от племянника премьер-министра было все равно что сопротивляться бурному речному потоку.

Молодого Тюремщика никто и никогда не назвал бы красивым. Или симпатичным. Или хорошеньким. В конце концов эти понятия больше подходили для женщин и были абсолютно противоположны чертам его лица. Но так же, как и самого премьер-министра, Кэри без колебаний назвала бы его племянника интересным. Очень интересным. А еще большим или усталым. Даже в приглушенном бордовыми абажурами электрическом свете была заметна его нездоровая бледность. А в серых глазах, окруженных темными кругами бессонницы, то и дело вспыхивали лихорадочные отблески. В общем, фраза из прочитанного когда-то любовного романа «глаза его горели дьявольским огнем» получила весьма наглядную иллюстрацию.

Кэри замерла в двух шагах от двери, не в силах двинуться дальше, а приготовленные заранее извинения так и остались где-то между губами и пропахшим благовониями воздухом.

* * *

Дэмыен с интересом рассматривал вошедшую в комнату девушку, ведь без маски секта он видел ее впервые. На вид ей можно было дать не больше шестнадцати. Но в контракте, который он успел мельком проглядеть, значилось, что она уже совершеннолетняя. Кроме того, с первого взгляда становилось понятно, что перед ним типичное дитя Пасмурной зоны во втором или даже в третьем поколении. Высо-

кий рост, стройная или, скорее, худощавая фигура, затянутая в совершенно ненужный ей корсет зеленовато-голубого платья. Темные, слегка выующиеся волосы, белая кожа, небесно-голубые глаза. Не такие синие, как у Сандро, но тоже очень яркие, напоминающие дневное свечение мила. И в глазах этих застыло выражение, которое он слишком хорошо знал, – ужас пополам с безысходностью.

Мужчина даже слегка растерялся. Он не представлял, что могло вызвать такую реакцию у девушки, добровольно согласившейся за немалую сумму стать его сожительницей. Но существовал безотказный способ все изменить, а заодно проверить, действительно ли эта самая Кэри подходит ему. Конечно, дядя был уверен, иначе не предложил бы ее Дэму, зная, какие будут последствия, если девушка все-таки окажется неподходящей. Стоп. Ошибка. На самом деле никакой опасности больше нет. Как нет Пустоты, заставлявшей Тюремщиков выбирать себе особенных женщин. Есть только сумасшедший узник, упрямо изводящий Дэма своими завываниями. И пусть в Театре он сделался подозрительно молчаливым, попытка исцелиться с помощью этой девушки – единственный шанс Главного Тюремщика сохранить рассудок и исполнить свой долг. А как гласит древняя мудрость, попытка – не пытка.

Дэмыен одним прыжком оказался возле обомлевшей актрисы и, притянув ее к себе, вовлек в глубокий поцелуй. Первые несколько секунд он чувствовал только панику девушки,

такую всепоглощающую, что она даже не пыталась сопротивляться. Только мелко дрожала и судорожно переводила дыхание. А потом... Крепко зажмуренные глаза ее распахнулись от удивления.

«Все верно, – усмехнулся про себя Дэмьен. – Если ты подходящая женщина, и тебя целует Тюремщик, это... впечатляет».

* * *

Кэри Палмер ничего не понимала. Минуту назад она и помыслить не могла, что пропадет, потеряет себя в накатывающих волнами непередаваемых ощущениях. Этот Тюремщик что-то сделал с ней! Наверное, добавил в благовония грассу. Это бред. Галлюцинация. Но какая! Все мысли, терзавшие ее по дороге сюда, показались вдруг далекими и пустыми. А близкими и необходимыми, как воздух, стали его жадные губы, его руки, заблудившиеся в шнуровке платья, его сердце, бьющееся, кажется, быстрее, чем ее собственное. Счастье. Таким, наверно, бывает счастье – всепоглощающим. И очень коротким.

Дэмьен Тюремщик ничего не понимал. Его словно затянуло в бешено вращающуюся воронку из телесного голода и, казалось, давно позабытой страсти. Этого не должно было случиться. Он не должен так остро чувствовать биение жилки на ее виске, тепло прильнувшего тела, гладкость кожи, ко-

тору его руки дюйм за дюймом освобождали из плена мешающей сейчас ткани. Может быть, виной всему сегодняшняя встреча? И это из-за близости Елены его тело вспомнило, что он молодой, здоровый мужчина, а не идиот, упрямо отказывающийся от того, что заложено самой природой. Сколько лет прошло? Дэмьен не хотел вспоминать. Он здесь и сейчас. И его подходящая женщина – здесь и сейчас. А все остальное пусть катится к сектам.

Мысли Дэма вспыхивали и гасли, перетекали одна в другую и совершенно не мешали рукам скользить по освобожденной от платья спине, спускаясь все ниже и ниже. Но стоило им только миновать восхитительно тонкую талию, как Дэмьен замер. Осторожно выпустил девушку и, сделав несколько шагов назад, опустился на диван. А потом захохотал.

Он хохотал, даже не пытаясь вытирать выступившие из-под век слезы. Что ж, судьба в очередной раз посмеялась над ним, и, чтобы не завывать от тоски и бессилия, оставалось только составить ей компанию. Смех оборвался резко, стоило ему открыть глаза. Перед ним на коленях стояла Кэри и, спрятав в ладонях лицо, непрерывно вздрагивала. Рыдания молодой актрисы были беззвучны и оттого еще более трогательны. Пришлось Дэмьену, глубоко вздохнув, сгрести девушку в охапку и усадить рядом с собой на диван. Его рука осторожно приобняла заплаканную Кэри, и вскоре рыдания сменились всхлипами, а потом и вовсе прекратились.

– Простите меня, хайсит Главный Тюремщик! Умоляю, простите. Видит Единый, я готова...

– Кто он у тебя? – поморщившись, перебил Дэмьен. – Добытчик? Легионер? Торговец?

– Легионер, – чуть слышно выдохнула девушка после недолгого молчания.

– Понятно...

Дэмьену действительно было все понятно. Если в Циркусе законы позволяли заключать шесть видов брака и восемь видов сожительства, то в Пасмурной зоне главенствовали свои правила. В этом странном сообществе, где закон Города, натываясь на местные неписанные «заповеди», часто пробуксовывал, а то и вовсе отступал, брак считался совершенно особым делом. Никаких разводов, никаких измен. Иначе ритуальный кинжал торжественно вгонялся в горло нарушителя брачной клятвы шафером жениха или подружкой невесты. Причем обязательно на глазах всех гостей, присутствовавших когда-то на свадьбе. И если холостой молодежи, сгорающей в любовной лихорадке, дозволялось все, что угодно, то женатым и замужним инстинкт самосохранения предписывал только один путь – путь безупречной верности. Но поскольку человек слаб и полон скрытых пороков, считалось, что в борьбе с изменами любые средства хороши. Особенно хороши оказались пояса верности.

Именно такой пояс и обнаружил Дэмьен на девушке, подписавшей с его дядей контракт на сожительство. Это значи-

ло: первое – что она замужем; второе – что муж в отъезде, третье – что все основательно запуталось как юридически, так и...

– Ничего вам непонятно, хайсит! – Кэри взорвалась неожиданно даже для себя самой. – Майкл погиб полгода назад. Я ношу траурный пояс.

А вот это было интересно. Дэмьен недолго прожил в Пасмурной зоне, но точно знал, что траурными поясами практически не пользовались. И в первую очередь потому, что мастеров, способных создавать такие шедевры, почти не осталось. Изготавливались траурные пояса из милка. И это было удивительнее всего, ведь инопланетный материал не поддавался никакой обработке. Его нельзя было ни разбить, ни обточить. Можно было только пускать в ход подходящие куски для самых разных целей: от строительства до убийства. Но все же были химики, которые научились придавать милку нужные формы, делать его пластичным, гибким, мягким и при этом невероятно прочным. Этот секрет передавался в некоторых семьях из поколения в поколение и свято хранился от чужаков. Но у всякой монеты есть и обратная сторона – сделанная из милка вещь рассыпалась буквально через несколько дней. А если учесть, что процесс изготовления занимал месяцы... И только траурные пояса верности могли существовать полгода, вероятнее всего, потому, что все время находились в соприкосновении с человеческим телом. Тепло ли, электричество или другое биологическое излуче-

ние оказалось тому причиной, но надевшая траурный пояс верности женщина избавлялась от него только через шесть месяцев. Не раньше. Но и не позже.

— Я подписала контракт с вашим дядей две недели назад, — в глазах Кэри снова вспыхнуло отчаяние. — Мой пояс должен был рассыпаться через четыре дня. Но он не рассыпался. Не знаю почему. Единый свидетель, это чистая правда. И я ничего не могу поделать, его невозможно сломать. Не могу даже вернуть вам деньги, потому что купила своему младшему брату прописку в Британском секторе. Он очень болен и не выживет в Пасмурной зоне, даже с помощью экса. Я...

— Ты его сильно любила? Или его семья оказалась такой строгой? Это они заставили тебя носить пояс?

— Вы не понимаете, хайсит, — губы девушки чуть изогнулись в горькой усмешке. — Я сама заказала этот пояс. После того, как Майкл... Мне нужно было помочь своей семье. И его тоже. У него малолетних сестер осталось пять да еще отец запил с горя. Тогда я устроилась петь в бар. Не в самом хорошем районе. Понимаете? Этот пояс был мне нужен для защиты. И видит Единый, я надела его не зря. Были случаи... А потом мне повезло: в наш бар неожиданно забрел хормейстер из Первого театра и услышал меня. Так я оказалась здесь.

Дэмьен слушал исповедь девушки, но ни интереса, ни сочувствия к ней больше не испытывал. Возбуждение, разочарование, любопытство давно схлынули, уступив место уже

привычной всепоглощающей усталости. Ему было совершенно все равно, что еще скажет или сделает эта самая Кэри, насмотревшись за свою жизнь всякого, вряд ли он может еще чему-то удивиться. Но удивиться пришлось.

– Надеюсь, хайсит Главный Тюремщик простил меня, – Кэри ловко выскользнула из-под руки Дэма и снова опустилась перед ним на колени, придерживая руками платье, норовящее сползти с угловатых, как у подростка, плеч. – Вы же не станете наказывать мою семью за мой просчет. Верно?

Дэмыен в растерянности кивнул.

– О, благодарю вас, хайсит! – Кэри порывисто обняла его колени, совершенно позабыв о платье, отчего то сползло с одного плеча, открывая Дэму весьма волнующий вид. – Теперь вы можете сделать это.

– «Это» что? – заглядевшийся на девушку Дэмыен, кажется, потерял нить разговора.

– Можете убить меня, – произнесла Кэри, четко разделяя каждое слово. – Ведь Тюремщики всегда убивали женщин, если те не оправдывали их ожиданий. А я не оправдала и... В общем вы можете, хайсит. Это моя вина, и я не буду сопротивляться.

– Что, прямо в театре убивать? – Дэмыен мысленно закатил глаза. Ну почему в последнее время его то и дело принимают за маньяка-убийцу? – А куда я труп твой дену, позволю ли заинтересоваться?

Кэри снова затрясло, а Дэмыен привычным уже движени-

ем втащил ее на диван. Нет, он, конечно, подозревал, что про Тюремщиков в народе ходит множество самых разных слухов, но чтобы такое! Последний «инцидент» с неподходящей женщиной случился лет пятьдесят назад. И, похоже, за это время легенда о жутких Тюремщиках-убийцах обросла красочными животрепещущими подробностями. Вот бедняжка Кэри и трепещет, а уставший до сектов Дэмьен не в состоянии сейчас ее переубеждать. В конце концов неизвестно, кто больше нуждается в помощи: испуганная девица или измученный бессонницей мужчина, который даже умудрился уснуть во время спектакля. И тут Дэма осенило.

– Послушай, как тебя там. Кэри. Хватит дрожать – пора работать, – Дэмьен слегка встряхнул девушку и даже добился вопросительного взгляда. – С поясом мы разберемся после, а сегодня я воспользуюсь твоими услугами несколько иначе, чем прописано в контракте.

Кэри замерла, широко распахнув голубые глаза, и Дэмьен поспешил разъяснить:

– Я хочу, чтобы ты мне спела. Эту твою арию секта. Только негромко. Хорошо?

– Да. Хорошо, – Кэри часто заморгала и, стиснув кулаки, попыталась справиться с дрожью. – Как прикажете, хайсит.

– Вот и отлично. Нет-нет, сиди.

Дэм остановил готовую вскочить девушку и, растянувшись на диване, устроил голову у нее на коленях.

– Не бойся. Все будет хорошо, – он вяло попытался под-

бодрить певицу и прикрыл глаза, моля несуществующих богов о том, чтобы его предположение оказалось верным. – Можешь начинать.

И Кэри начала.

* * *

Когда Дэмьен, обернувшись на шорох, увидел перед собой высокую фигуру с шестью тонкими подвижными конечностями, то ничуть не испугался. И поэтому сразу понял, что уже спит. Сект медленно приближался к нему, слегка раскачиваясь при ходьбе, и улыбался. Дэмьен почему-то точно знал, что полуприкрытые вертикальными веками фиолетовые глаза и вытянутый трубочкой безгубый рот означают улыбку.

Вокруг был полумрак, в котором прятались какие-то панели управления, трехмерные экраны, странной формы мебель. Все это казалось привычным и уместным.

– Приветствую тебя, мой молодой друг, – произнес сект красивым низким голосом.

На мгновение Дэм впал в замешательство, ведь он точно знал, что голоса сектов совсем не такие. И в то же время понимал, что удивляться тут нечему – ведь для более комфортного общения с людьми пришельцы носили специальные устройства, транслирующие их речь в более низком диапазоне. Откуда бралось это знание, Дэм не задумывался, все

ощущалось настолько естественным, будто иначе и быть не могло.

Он широко улыбнулся вошедшему и, сделав шаг навстречу, протянул секту руку. Рукопожатие вышло крепким и искренним. Потом Дэм выпустил четырехпалую узкую кисть и поприветствовал секта согласно его обычаю – приложил ладонь к животу пришельца. Ответное прикосновение не заставило себя ждать, но почему-то вместо обычного ощущения тепла и какого-то единения Дэмьена пронзила резкая боль.

– Просыпайся, соня! – услышал он ехидный мужской голос и с усилием разлепил веки.

Перед ним, ощерившись в плотоядной ухмылке, стоял консульский охранник, меч которого оказался ощутимо вдавлен Дэмьену в живот. Краем глаза Тюремщик заметил расплзавшееся по рубашке алое пятно. Второй охранник, стоящий у двери, нетерпеливо взмахнул обнаженным мечом и, явно нервничая, поторопил товарища:

– Что ты тянешь? Кончай скорее. Нас ждут.

– Подождут, – первый охранник ухмыльнулся еще шире. – Имею я право на маленькое невинное развлечение? Такой красоткой не попользоваться перед смертью – идиотом быть надо. Слышь, хайсит, нечего за женской юбкой прятаться. Вставай и умри, как мужчина. Не хочу твоей кровью актриску перепачкать. Мне с ней еще тесно общаться предстоит.

– Да скорее же! – не вытерпел второй охранник.

– Ну чего ты дергаешься? Там внизу и без нас есть кому заложников охранять, – отмахнулся первый и снова переключился на Дэмьена: – Не встанешь сам, я тебя за волосы с твоей девки стащу.

Не бросая слов на ветер, он тут же ухватил Дэма за растрепавшиеся длинные пряди и резко дернул. Удивленно уставившись на парик, оказавшийся в его руках, охранник не успел вовремя среагировать на стремительный бросок Тюремщика и растянулся на полу, выронив меч из вывернутой руки. Второй охранник кинулся на помощь, но Дэм встретил его уже с мечом наперевес.

Округлившимися глазами Кэри смотрела, как Тюремщик безжалостно и ловко расправляется с охраной консула, и едва сдерживалась, чтобы не закричать. Когда дверь открылась (она ведь даже не подумала ее запереть) и в проеме появились двое мужчин, ничего подобного и предположить было нельзя. События разворачивались так стремительно, что ответы рождались раньше вопросов. Она только дважды успела моргнуть, а первый телохранитель уже лежал, уткнувшись лицом в ковер возле самых ее ног, и не подавал признаков жизни. Еще минута, наполненная резким звоном сталкивающейся стали, и Тюремщик навис над вторым, смертельно раненным в шею противником.

– Кто приказал убить меня?! – Дэмьен безжалостно затряс закатившего глаза охранника. – Полковник Свен? Жрец Ганс?

– Да кто ты такой, чтобы нас послали тебя убивать? – раздалось через несколько хриплых вдохов. – Много чести. Мы не шушера мелкая. К-х-кх.

– Я – Дэмьен Тюремщик, а вас послали жрецы Триединого! Верно? Отвечай! Тебе ведь терять нечего.

– Так ты Шер? – в глазах охранника мелькнуло узнавание. – Жаль, раньше не поняли. Все было бы не так. Край велел тебя не трогать. Ни при каких обстоятельствах. Жаль. Проклятый парик... кх-кх...

Голова охранника запрокинулась, и по телу пробежала последняя судорога.

Дэм машинально вытер меч о френч охранника, пятная желтизну темно-красным.

– Всемогущий Единый, спаси нас! – только и смогла прошептать Кэри.

– А я-то думал, что уже сделал это, – хмыкнул Дэмьен, быстро и тщательно обыскивая тела.

– Вы нас погубили – прикончили двух личных охранников консула! – в голосе девушки звенела паника. – Вас казнят, хайсит. И меня заодно с вами!

– Тут я должен сказать: «Не бойся, красавица. Все будет хорошо», – Дэмьен поднял несопротивляющуюся актрису с дивана и, повернув к себе спиной, принялся быстро зашнуровывать ей платье. – Но не скажу. Бояться нам очень даже следует, только не того, о чем ты думаешь.

– Но охранники консула...

– Это не охранники консула. Это переодетые бандиты. Признаю, костюмы подобраны идеально, но только кевлара под ними нет. Понял, когда кровь с меча отирал. Знал бы раньше – не возился бы столько. А то все в шею метил. Да не дергайся ты! Я тебе не камеристка, шнуровка платья не мой конек. Все. Дальше сама.

– Откуда они здесь? И зачем?

– Не знаю. Могу только предположить. Причем самое худшее, – Дэмьен подошел к двери, крепко сжимая меч, и прислушался. – Он сказал, что внизу есть кому охранять заложников. А под нами только консульская ложа. И тогда заложники – это...

– Семья консула! – Кэри, побледнев еще больше, стиснула руки на груди. – Куда вы, хайсит?!

Дэмьен на секунду замер в дверях и, приложив палец к губам, прошептал:

– Я должен убедиться. Сиди тихо.

Кэри не успела судорожно выдохнуть, как Тюремщик исчез в проеме, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Он спускался, стараясь не шуметь, и отстраненно радовался, что на нем сейчас ботинки, а не тяжелые подкованные сапоги. Вжавшись в стену, Дэм остановился в нескольких ступенях от выхода на третий ярус и прислушался. Где-то на грани слышимости можно было различить бравурные звуки оркестра, но в самом фойе царила напряженная тишина. Дэмьен почти решился выглянуть из-за поворота, когда

неожиданно совсем рядом услышал:

– Сколько можно ждать?

Голос был приглушенный, и, судя по тому, что Дэмьен без труда различал каждое слово, говоривший находился совсем рядом. Дэм осторожно поднялся на несколько ступеней, на всякий случай оставляя между собой и говорившими еще один поворот винтовой лестницы. И снова прислушался. Ответ собеседника не заставил долго ждать.

– Сколько потребуется. Время еще есть. Осталось два акта, это как минимум два с половиной часа, – голос говорившего был тих и ровен, но даже с такого расстояния ощущалось напряжение собеседников.

– Сект бы побрал этого консула! – громким шепотом воскликнул первый. – И почему именно сейчас ему стукнуло в голову удалиться в покои Уединения? Вы даже требования свои не можете ему предъявить! Несмотря на прямую телефонную связь.

– Да, не повезло. Но, думаю, все обойдется. Консул никогда не засиживается в покоях больше двух часов – он слишком ценит свое время.

– Но почему вы решили, что он согласится на отречение?

– Потому что захочет сохранить жизнь своим детям. Ты не согласен?

Дэмьен решил, что услышал достаточно и нужно действовать, но, поколебавшись немного, остался недвижим.

– Вам виднее, – продолжал первый голос. – Это ваш заго-

вор и ваш план. А я и мои люди только исполнители по найму. Кстати, лучшие.

– Да, уж наслышаны. У Края все самое лучшее. Но пока не дошло до дела, вели своим людям вести себя потише. Пока не предъявим требования, никто ничего не должен заподозрить.

– А какая разница? Раньше, позже...

– Где твоя голова, Ней? – главарь даже повысил голос. – Сегодня в зале половина помешанных на подвигах вояк. Бывших и настоящих. У них мозгов в десять раз меньше, чем гонора. Что будешь делать, если они решать поиграть в героев? Перебьешь их всех? Думаешь, тогда нам так просто дадут уйти? Да, мы воспользуемся потайным ходом и сбежим, прихватив заложников, и дальше все пойдет по плану «Б». Но чем больше будет жертв, тем сложнее нам будет его выполнить. Сказать по правде, консул не устраивает военных так же, как нас. И если он подпишет отречение, никто плакать не станет. Но если мы будем вынуждены пролить их благородную хайситскую кровь – вот тогда нам не поздоровится. Так что просто сидим и ждем и стараемся ничем себя не выдать. Ясно?

Ответа боевика Дэмьен не услышал, он спешил обратно в комнату, на ходу продумывая план действий. И был в этом плане один очень скользкий момент.

– Я не могу, хайсит! – Кэри в ужасе отшатнулась от окна, за которым стоящий на узком карнизе Дэмьен протягивал ей

руку. — Если Единому угодно оборвать мою жизнь, то пусть это сделает благородный меч, а не камни мостовой под нами.

— Ты должна, Кэри, — Тюремщик уже потерял терпение. — Это приказ. Ты не в состоянии выполнить свои обязательства по контракту и, значит, будешь делать то, что я скажу, если не хочешь, чтобы прописка твоего брата была аннулирована. Снимай туфли и перелезай ко мне. Я тебя поддержу.

Кэри обреченно наклонилась и начала стаскивать, как назло, сопротивляющиеся туфли. Страх, сжимавший сердце весь день и ослабивший хватку, лишь пока Тюремщик спал, вернулся с удвоенной силой. Теперь она прекрасно понимала, с каким человеком связал ее проклятый контракт. С высоким, лысым, проницательным, ловким, хладнокровным, безрассудным, решительным, абсолютно безжалостным и смертельно опасным. Ее до сих пор бросало в дрожь при воспоминании о том, как он стоял над истекающим кровью противником и в его глазах плескалось самое настоящее удовольствие. Видит Единый, ему нравилось убивать. И что бы Тюремщик ни говорил, ей уже все стало ясно. Его благородная внешность теперь не в силах ее обмануть. Это сожительство не закончится ничем хорошим.

К тому же, лишившись парика, Тюремщик изменился почти до неузнаваемости. Маску заносчивого, изнеженного хайсита с него будто ветром сдуло. Кэри могла бы поклясться, что ее высокородный сожитель одного поля ягода с теми бандитами, чьи трупы он зашвырнул в густые заросли окру-

жающих Театр кустов, опасно свесившись из окна. Туда же полетел перепачканный кровью ковер, а теперь и ее туфли.

— Будем надеяться, что исчезновение тех двоих обнаружат не сразу. А обнаружив, спишут на трусливое бегство.

Тюремщик аккуратно прикрыл окно и, крепко схватив Кэри за руку, повлек зажмурившую глаза девушку по узкому карнизу.

Их акробатический этюд запомнился Кэри очень смутно. Одно из самых ярких воспоминаний — как повисший на одной руке Тюремщик раскачивал ее, чтобы закинуть в полуоткрытое чердачное окно. А после, через вдох чихая от въедливой чердачной пыли, они бежали по театральным коридорам в кабинет директора, где находился второй телефон Театра.

Кэри без сил опустилась в огромное кожаное кресло, а Тюремщик, двумя резкими фразами осадив возмущенного неожиданным вторжением директора, уже диктовал телефонистке номер премьер-министра. Детали правоохранительной машины завертелись, и спустя полчаса Первый театр превратился в театр военных действий.

* * *

— Об этом не может быть и речи!

В голосе Бертрана холодная сталь. Оторвавшись от чертежей здания и обсуждения деталей операции с полковником

Свеном, он в очередной раз повторяет:

— К группе захвата я тебя на арбалетный выстрел не подпущу. Неужели тебе до сих пор неясно, что жизнь Главного Тюремщика ему не принадлежит? Ты не должен рисковать собой ни при каких обстоятельствах. Понимаешь?!

Дэмьен все понимает. И что нет у него необходимых навыков, и что не имеет он права рисковать, и что нужно, стиснув от бессилия зубы, положиться на профессионалов. Еще понимает, что план совсем недурен: огорошить ничего не подозревающих бандитов, которые даже еще не успели предъявить свои требования, заявлением о немедленном беспощадном штурме. Якобы премьер-министр все узнал, но не решился сообщить консулу черную весть о взятой в заложники семье, а на свой страх и риск отдал приказ о проведении операции. Подслушанный разговор позволил предположить, что в таком случае при начале штурма террористы просто сбегут через потайной ход, прихватив с собой заложников.

Но потайной ход уже перестал быть потайным благодаря спешно найденным старым чертежам Театра. И вторая штурмовая группа заняла там выгодную позицию. Стрелять будут усыпляющими дротиками, чтобы избежать любого риска для консульской семьи, и чтобы было кому после штурма языки развязывать.

Все выглядит вполне приемлемо, по крайней мере на словах и бумаге. Но в груди Дэмьена зимний холод. Он точно

знает, что должен быть там. Потому что... должен. Такие предчувствия не раз спасали ему жизнь, но на этот раз обязаны спасти чужую. И Дэм повинуется им куда охотнее, чем приказам дядюшки, который в разгар обсуждения не замечает поспешного исчезновения племянника.

Из оружия Дэмьену удалось раздобыть лишь короткий меч. Попытка стащить арбалет едва не привлекла к нему ненужное внимание. Пробежав по перепутывающимся ходам закулисья и доведя до обмороков с десятков актеров и актрис своим обнаженным клинком вкупе с окровавленной рубашкой, он оказался в каком-то подсобном помещении, полном бутафорских автоматов и пулеметов. Сквозь щель в разошедшихся досках туда проникали свет софитов и буханье очередного марша. Приникнув к щели, Дэмьен выругался – он оказался на втором ярусе, возле самой сцены, и до пустующей консульской ложи предстоял еще немалый путь. К тому же неизвестный. Расспрашивать перепуганный нашествием Тайной полиции персонал было бессмысленно – его очень скоро перехватили бы и доставили прямиком в распростертые дядюшкины объятия.

Дэмьен тоскливо перевел взгляд на шестой технический ярус, опоясывающий зал узким мостком. Вот куда ему нужно попасть во что бы то ни стало. И тогда он спустится на балкон вон по той увитой декоративным плющом колонне. А потом, тихонько проскользнув через неплотно прикрытую правую дверь, укроется за тяжелой бархатной шторой, отде-

ляющей вход в ложу от остального фойе. Незаметный, притаившийся там, откуда террористы меньше всего ждут опасности, Дэмьен будет в курсе происходящего. И вмешается в нужный момент.

Но если драгоценное время уйдет на блуждание по лабиринту служебных коридоров, начнется штурм, и...

– Я покажу тебе дорогу, если хочешь, – раздался приглушенный хриплый голос.

Дэм круто развернулся, на всякий случай вскидывая меч. В камере никого не было. Какое-то время он стоял, безрезультатно прислушиваясь, и только услышав сухой смехок, понял, что хриплый голос прозвучал в его голове. В его Комнате.

На долгие размышления времени не оставалось, поэтому Тюремщик, загнав толпу вопросов в самый дальний пыльный угол сознания, прямо спросил своего заключенного:

– Почему я должен тебе доверять?

– Ты не должен. Но если хочешь оказаться там вовремя, то можешь рискнуть и поверить мне на слово.

– Я знаю, чего хочу, – Дэмьен кинул быстрый взгляд на правительственную ложу. – А чего хочешь ты?

Ответ не заставил себя долго ждать.

– Я хочу, чтобы ты поскорее сдох, Тюремщик, – прохрипел узник. – И для меня наконец-то все закончилось. А поскольку твой план – чистой воды самоубийство, то я с радостью помогу тебе его исполнить.

– Не дожدهшься! – ухмыльнулся пришедший в себя Дэмьен и выскочил в коридор. – Куда теперь?

– Налево. Потом вверх по лестнице и направо, – донеслось указание. – И не забывай отвечать мне вслух. Твой телевизор транслирует только голос, а не ментальную речь. Понял? Тогда шевелись.

«Ишь раскомандовался!» – мысленно фыркнул Дэм, прибавляя скорость.

Он бежал по театральным коридорам, внимательно вслушиваясь в краткие, точные указания узника, и вскоре оказался там, где рассчитывал, – на техническом ярусе как раз над ложей.

Однако спуститься по колонне оказалось не так просто. Искусственный плющ, не менявшийся, наверное, со времени строительства Театра, буквально рассыпался под пальцами, и оставшиеся четыре метра Дэмьен пролетел, только чудом не промахнувшись мимо балкона. Переведя дух после не слишком удачного приземления, он поблагодарил несуществующих богов за то, что его спуск остался незамеченным – все зрители были поглощены кульминационным действием, развернувшимся на сцене. А еще за то, что заключенный молчал. Дэм ожидал издевок и криков, оскорблений и ругани, но тишина в сознании казалась совершенно безжизненной. При мысли, что узник может в самый неподходящий момент отвлечь его, а профессионалы Края доделают остальное, становилось не по себе.

«Пока молчит, и то ладно. После поговорим», – подумал Тюремщик, переводя дыхание.

Он приник к щели между неплотно прикрытой дверью ложи и всмотрелся в темноту. Нет, в абсолютной темноте не помогло бы даже его обостренное зрение, но скудный свет все-таки пробивался сквозь щель в темно-зеленых шторах, и этого было достаточно. В небольшом пространстве между тканью и дверью никого не было. Поэтому Дэмьен, бесшумно приоткрыв створку, выскользнул из ложи и замер, стараясь не попасть в узкую полосу света, пробивавшегося извне.

Тюремщик прислушался, но в фойе, так же как и в прошлый раз, царила напряженная тишина. Быстрого взгляда сквозь щель между шторами хватило, чтобы понять – преступники пока ни о чем не догадывались. Справа от Дэма двое переодетых в телохранителей боевиков развалились в изящных креслах, и казалось удивительным, что тонкие гнутые ножки до сих пор не подломились под их накачанными телами. Слева еще двое стояли возле входной двери, уныло прислонившись к стене, и выглядели скорее скучающими, чем настороженными. А прямо перед ложей в окружении семерых бандитов сидели Юлиан и Елена, крепко прижимающая к себе маленького Дэмьена. Их не держали под прицелом, но в руках двух охранников были арбалеты, а у третьего на коленях лежало духовое ружье. Подробностей Дэмьен разглядеть не успел, поскольку именно в этот момент в фойе заголосил телефон. Операция по освобождению заложников

началась.

Прозвучало уже три звонка, когда из-за колонны появился высокий мужчина, одетый в самый обычный фрак. Лицо его скрывала черная маска-бандана, оставлявшая открытыми только напряженно сжатые губы и чуть скошенный, гладко выбритый подбородок. Дэм ни на секунду не усомнился в том, что видит главное действующее лицо этого жестокого спектакля.

Тем временем главарь подошел к заложникам и, крепко схватив Елену за плечо, приказал:

– Сними трубку. Ответь. Но так, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений. Поняла?

Елена обменялась быстрым взглядом с братом. В ответ Юлиан медленно кивнул. Но Дэмьен видел, что он едва сдерживает рвущуюся наружу ненависть. Не осталась она незамеченной и главарем.

– Без глупостей, хайсит. Надеюсь, ваша сестра проявит благоразумие. А мы ей в этом немного поможем.

Стоило Елене спустить сына с рук и подойти к телефону, как по знаку человека в маске два арбалета нацелились в сердце дочери консула. Она вздрогнула, но, быстро взяв себя в руки, сняла трубку.

Дэмьен до боли сжал рукоять меча. Сейчас Бертран Тюремщик потребует к телефону главного и...

– Помогите! Они хотят убить мою маму! – раздался отчаянный детский крик, и маленький Дэмьен неожиданно для

всех кинулся в сторону двери. Стоявшие возле нее бандиты стряхнули сонливость и приготовились схватить не переставшего кричать мальчишку. Но тот резко вильнул в сторону и, развернувшись, бросился ко входу в ложу, прямо на замешшего за шторой Тюремщика.

– Он сейчас всех переполошит! Стреляй, Ней! – крикнул главарь, хватая Елену, бросившуюся на поднявшего арбалет боевика.

Дернувшийся было Юлиан получил удар по голове и затих, скрючившись в кресле. А двое бандитов, охраняющих дверь, были так сосредоточены на происходящем, что не заметили, как та начала открываться, пропуская в фойе первого карабинера.

Весь тщательно выстроенный план полетел к сектам. Бертран не мог допустить гибели внука консула и отдал приказ штурмовать. Но прежде чем пуля из духового ружья разнесла череп ничего не подозревающего Нея, арбалетный болт уже сорвался с тетивы.

Дэму не оставалось ничего другого, кроме как выбежать из своего убежища и, сбив мальчишку с ног, получить предназначенный тому болт в правое бедро.

Маленький Дэмыен упал неудачно. Заревев от боли и обиды, он попытался подняться, но не смог и уселся на полу, размазывая кулачком злые слезы. А Тюремщику пришлось составить ему компанию. Хоть болт и прошел насквозь, не задев, по мнению Дэма, ничего важного, ноги почему-то отка-

зались его держать. Одной рукой приобняв своего младшего тезку, а другой сжимая меч, Тюремщик внимательно наблюдал за тем, как brave спецназовцы Тайной полиции расправляются с наемниками Края. Оставшись без своего командира, те бестолково сопротивлялись, позабыв о заложниках. И только главарь в маске, прикрываясь вырывающейся из его рук Еленой, отступал к правой стене, где и находился, по всей видимости, тот самый потайной ход. Но стоило ему приблизиться к декоративной настенной колонне, как она неожиданно отъехала в сторону, пропуская в фойе вторую группу захвата. Всего несколько секунд понадобилось карабинерам для того, чтобы жестоко скрутить главаря и сорвать с него маску. Открывшееся бледное лицо тут же перечеркнули четыре алые линии. Это вывернувшаяся из рук спасителей Елена изо всех сил полоснула по нему ногтями. Она снова занесла руку, и...

– Ложись! – услышал Дэм хриплый окрик.

И пусть его служба в Легионе была коротка, тело автоматически среагировало на команду. Он мгновенно растянулся на полу, прикрывая заревевшего еще громче мальчишку. Шальной болт, однако, успел чиркнуть его по затылку, и Дэмьен подумал, что узник почти получил желаемое. Непонятно только, зачем он этим окриком спас жизнь своему Тюремщику.

Слегка оглушенный Дэмьен так и спросил вслух:

– Зачем?

– Уж не ради тебя, можешь мне поверить, – в голосе заключенного отчетливо слышалась досада. – Мальчишку могло зацепить. А ты так уставился на ту блондинку, что ничего вокруг не замечал. Кстати, я почти не расстроен. Судя по твоему суицидальному поведению, долго ждать избавления мне не придется.

Дэмьен собирался возразить, но тут в фойе появился Бертран и внимательно осмотрел поле сражения. Удовлетворенно покивав силовикам, уложившим оставшихся в живых наемников лицом в пол, он перевел взгляд на пришедшего в себя Юлиана, на обмякшую в руках полицейских Елену. Ее широко распахнутые глаза не отрывались от Дэмьена (от двух Дэмьенов) и были до краев полны невыплаканными слезами. Проследивший за этим взглядом Бертран круто развернулся и уставился на залитого кровью племянника, неловко пытавшегося сесть и заодно успокоить дрожащего от пережитого мальчишку.

Надо отдать должное выдержке премьер-министра, Дэма он сразу не прибил. А скрипнул зубами, крикнул медиков и, демонстративно потеряв интерес к племяннику, с рук на руки передал маленького Дэмьена зарывавшей Елене. При виде такого зрелища даже у суровых бойцов спецназа защемило в глазах. Поэтому никто из них не успел вмешаться, когда пришедший в себя Юлиан поднял выроненный кем-то меч и со словами: «Ты приказал убить моего племянника!» по самой рукоять вонзил его в живот уже закованного в наруч-

ники главаря.

– Ах, вот оно как! – хмыкнул узник в сознании Дэма. – Становится все интереснее.

Тюремщик хотел было поинтересоваться, что его заключенный имел в виду, но решил не настораживать медиков, круживших над ним подобно голодным стервятникам. Разговоры с самим собой не лучший способ доказать, что ты в здравом уме, и рана на голове всего лишь сильно кровоточащая царапина. Дэмьен не видел, чем завершился этот инцидент (на какой-то момент в глазах действительно потемнело), слышал лишь, как дядя отчитывает Юлиана, словно несмышленного мальчишку. Гнев премьер-министра был вполне объясним – теперь абсолютно невозможно определить, кто стоит за попыткой переворота. Оставшиеся в живых рядовые исполнители, разумеется, ничего не знают. Возможно, знал Ней, но его мозги уборщикам придется еще долго отскребать от нежно-розового мрамора колонны. Ну а главарь истек кровью, прежде чем Бертран успел к нему подойти.

Дальнейшие события прошли уже без участия Дэмьена – несмотря на протесты, его уложили на носилки и вынесли из консульского сектора. Однако с приказом премьера отправить министра сельского хозяйства в правительственный госпиталь пришлось повременить. Узнавший об успешном окончании операции консул пожелал видеть их всех. В своих личных покоях. Немедленно.

Дэмьен вошел в апартаменты консула последним – ему как пострадавшему было высочайше дозволено опоздать. Так что он успел заменить повязку на голове почти незаметным пластырем, переодеться в костюмерной в один из театральных фраков и обзавестись массивной тростью. Этой тростью ему пришлось почти всерьез отбиваться от доктора Родригеса, неизвестно откуда взявшегося с предложением погрузить Дэмьена в инвалидную коляску. Однако на пути к личным покоем Квентина Арпада Дэм уже неоднократно пожалел о своем отказе. Добравшись до покрытых позолотой дверей, он еще минуту собирался с силами, чтобы не слишком явно хромать под перекрестными взглядами всех присутствующих.

– Что, герой, сдрейфил? – поинтересовался в сознании ехидный голос. – Как жизнью рисковать – так это пожалуй-ста, а как ответ держать, поджилки трясутся?

– Заткнись! – сквозь зубы прошипел Дэмьен, отворачиваясь от бдительного взгляда охранника. – Лучше заткнись сейчас.

– А то что? – продолжал ехидничать узник. – Что ты можешь мне сделать? Ничего. Но я, в отличие от тебя, могу. У меня теперь чудная Камера со всеми удобствами, даже с телевизором, эдаким окном во внешний мир. И в твое сознание. На самом деле у меня есть возможность очень сильно осложнить твоё существование. Так что повежливее со мной, малыш.

– Малыш?! – от возмущения Дэмьен потерял дар речи.

– А кто ты для меня, почти двухсотлетнего?

Тон заключенного неожиданно изменился. На место издевки пришла беспросветная тоска и усталость.

– Ладно, иди. Насколько мне известно, консулы ждать не любят. Иди и не бойся – я буду молчать. Для начала нужно посмотреть, послушать и узнать, до чего вы тут без меня докатились.

Дэмьен проглотил готовую сорваться с языка отповедь, глубоко вдохнул и прошел в кабинет. Узник был прав: не стоит испытывать терпение хайсита консула. Особенно теперь.

Первым, что он увидел, переступив порог, было бледное осунувшееся лицо Елены. Она сидела слева от камина рядом с хмурым Юлианом, машинально покачивающим бокал с вином. Консул и его премьер расположились справа, а кресло, предназначенное Дэму, стояло отдельно. Напротив. К большому удивлению Дэмьена в комнате присутствовал и знакомый по первой аудиенции епископ, имя которого он так и не удосужился узнать. И это было ошибкой. Уж если Квентин Арпад допускал церковника не только до дел государственных, но и семейных... Поэтому Дэмьен твердо решил, что позже обязательно потолкует с дядей об этом странном расположении обычно подозрительного правителя.

Стоило Дэму поудобнее устроиться на бархатистом мягком сиденье, как консул с помощью Бертрана учинил ему допрос с пристрастием. Квентина Арпада интересовало все.

Под его взглядом, буквально прожигающим Дэмьена насквозь, было очень сложно скрывать что-либо. Особенно сведения об узнике. Приходилось тщательно взвешивать каждое слово, чтобы весь хитроумный план Бертрана Тюремщика о тайных переговорах с заключенным не пошел секту под хвост. Благо дядюшка очень ненавязчиво и умело направлял допрос в безопасное русло. Но уже после десятого описания сегодняшних событий Дэм с большим трудом утаивал некоторые факты. Вероятно, консул на сект знает каком уровне чувствовал, что от него скрывают нечто важное, и продолжал бомбардировать Тюремщика каверзными вопросами.

– Отец, может быть, достаточно? – не выдержала Елена. – Он спас жизнь твоему внуку! Наша семья должна за него каждый день молиться Единому. Нет таких слов, что могли бы выразить всю мою благодарность хайситу Главному Тюремщику!

Вместо ответа хайсит консул зыркнул на хайсита Главного Тюремщика так, что тому впору было сорваться с места и искать убежища в варварских землях. И это вместо благодарности! Впрочем, Дэм прекрасно понимал причину высочайшего гнева – пусть во время разговора Елена напоминала больше ледяную статую, но то, как она смотрела на него...

Квентин Арпад уже раскрыл рот, чтобы ответить непочтительной дочери, но тут отворились двери, и в кабинет ворвался самый настоящий вихрь. Мужчина в запыленном во-

енном мундире с порога отсалютовал консулу, прижав правый кулак к сердцу, поспешно пробормотал: «Хайсит консул!» и, не дожидаясь ответа, бросился к креслу Елены.

– Как ты, дорогая?! – он порывисто сжал ее руки. – Как наш сын?! Мне телеграфировали... Я спешил как мог.

– Все хорошо, дорогой, – Елена из последних сил сдерживала слезы. – Все хорошо. Дэмьен в порядке. Доктор дал ему успокоительного, и я уложила его.

– Хвала Единому!

Военный повернулся к консулу, и Дэмьен отметил блеснувшие в электрическом свете генеральские погоны, темные до плеч волосы, точеный профиль...

– Хайсит консул, я прошу вас сообщить мне имя спасителя моего сына! – обратился муж Елены к своему высокопоставленному тестю и, проследив за его недовольным взглядом, круто повернулся к Дэму.

И замер.

– Дэмьен... – словно в забытии прошептал он.

– Роланд...

Дэмьен не заметил, как поднялся с кресла и сделал шаг вперед, чтобы тут же угодить в медвежьи объятия.

– Дэмьен!

Ребра Тюремщика ощутимо хрустнули.

– Роланд! – он ответил такой же хваткой.

– Ты живой. Сект тебя задери, Дэм! Ты живой! – Роланд отстранился и уставился на Дэмьена, как на легендар-

ного Первого консула. Потом повернулся к остальным и объявил: — Семь лет назад этот человек спас мне жизнь. Помог бежать из варварского плена. А сам... Дэм, клянусь Единым, я думал, что ты умер, иначе никогда бы... Нет, дослушай. Я ни на миг не забывал о том, что ты сделал для меня. Сына назвал в твою честь. Ведь это тебе я обязан тем, что имею: жизнью, семьей... Постой, а как твоя жена? Как дети? Им ведь должно быть уже по семь? Я пытался их отыскать, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.